

МИДСГАРД

ЯРОСЛАВ
ГЖЕНДОВИЧ

ВЛАДЫКА ЛЕДЯНОГО САДА:
НОЧНОЙ СТРАННИК

Annotation

Два года назад на планете Мидгард пропала исследовательская группа землян из восьми человек. Теперь новая экспедиция посылает за ними спасателя, цель которого найти выживших или идентифицировать тела погибших, а также уничтожить все следы возможного контакта аборигенов с землянами. На Мидгарде существует местная человекоподобная цивилизация, застывшая в раннем Средневековье и чем-то напоминающая Скандинавию эпохи викингов. Здесь отказывает любая электроника, ломается любая продвинутая техника, но спасатель, или как прозвуют его местные, Ночной Странник, изменен на биологическом уровне, он быстрее и сильнее любого жителя Мидгарда. Только ни земляне, ни сам Странник еще не знают, что сходство этого мира с Землей обманчиво, что здесь водятся настоящие чудовища, и спасателю, а заодно и обитателям планеты, придется столкнуться с подлинным ужасом и безумием, которые не поддаются рациональному объяснению.

Ярослав Гжендович

Владыка Ледяного сада: Ночной странник

Jarosław J. Grzędowicz

Pan Lodowego Ogrodu. Tom 1

Публикуется с разрешения автора и при содействии Владимира Аренева и Сергея Легезы

© 2005 by Jarosław J. Grzędowicz

© Сергей Легеза, 2016, перевод

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава 1

Ночной странник

*Прежде чем в дом
войдешь, все входы
ты осмотри,
ты огляди —
ибо как знать,
в этом жилище
недругов нет ли.*

Речи Высокого [\[1\]](#)

Рассказывали, что вышел он прямо из волн Полуночного моря и что зачала его их ледяная, яростная безбрежность, а на свет выпустила обрюхаченная морем утопленница.

Рассказывали, что вышел он из Пустошей Тревоги, где возник как плод чьей-то нечистой мысли, непохожий на другие Тени. Непохожий, ибо во всем подобный человеку.

Говорили, что был он сыном Хинда, бога воинов, зачатым со смертной женщиной во время одного из странствий бога по миру в облике бродяги.

Говорили, что породила его молния, убившая стоявшую на дюнах Сикрану Соленый Ветер, дочь великого мореплавателя Стигинга Кричащего Топора. Стояла та на прибрежном камне, одинокая в бурю, высматривая на горизонте паруса корабля своего любимого. Мертвая, выпустила она в мир огонь и воителя.

Говорили, что появился он прямо из ночи, едучи на огромном, словно дракон, коне, с ястребом, сидящим на плече, и волком, что бежал рядом.

Говорили разную ерунду.

Было же все совсем иначе.

Правда такова, что выплюнули его звезды.

* * *

– У тебя пятнадцать минут, – объясняет Джофа. Объясняет раз в десятый. Я сижу, пристегнутый внутри кокона, чудесное мое оборудование заполняет все закутки капсулы; вокруг вертятся техники в ярко-красных комбинезонах, кто-то подсоединяет толстый кабель и сыплет проклятиями; взблескивают оранжевые аварийные огни, какой-то механизм то и дело блюет клубами густого пара. Я не готов.

Я не готов.

– Помни. Ты должен отойти как минимум на полкилометра и пригнуть голову. Взрыв не будет очень громким. Капсула испарится, но тебя может ударить камнями, кусками дерева или еще чем. Будет две ударные волны. Первая – нормальная, от взрыва, потом – возвратная, секунды через три.

Первый рык сирены. Капризный дамский голос начинает отсчет. Теперь – каждые десять секунд от шестисот. Я не готов. Сейчас меня отстегнут, а потом мы отправимся в

столовую.

Не понимаю, как я мог в такое влезть. Джофа поправляет какие-то кабели снаружи капсулы и украдкой всовывает в тюк пачку табака.

– Как вы себя чувствуете? – В наушниках металлический голос Новикова. – У вас повышается пульс.

– Даже не знаю, с чего бы, – цежу я в микрофон. Глупый коновал.

Чувствую себя как древний мертвый владыка. Привязанный к трону, который через минуту охватит пламя. Передо мной шествует процессия плакальщиков с дарами. Я уже получил швейцарский складной нож и бутылку палинки от кого-то из земляков. Все нелегально. Артефакты. Анахронизмы. Руководство миссии старалось, чтобы у меня не было даже зажигалки.

Дары посмертные.

Не хватает только плакальщиц.

Они должны были побеспокоиться о плакальщицах.

Пятьсот секунд.

Я не готов.

– Ты как? – Это Дейрдре. Рыжие кудряшки спрятаны под капюшоном, красивые губы дрожат, в глазах – блеск драгоценных камней.

Все же одна плакальщица у нас есть. Не задалось наше короткое знакомство, рыжая моя Дейрдре из Дерри (что некоторые ошибочно зовут Лондондерри^[2]). Да ты и сама знала, что у нас ничего не выйдет. Эдакий прифронтовой роман.

Я лишь поднимаю большой палец. Цифрал пока неактивен. Не могу отрегулировать свои эмоции и изобразить крутого. Мне тоже жаль, рыжая Дейрдре из Дерри.

Но слишком поздно, даже чтобы просто что-то говорить.

Это мой костер сейчас подожгут.

А ты не поцелуешь меня через маску.

Так уж вышло, что именно ты – настоящая командос, Дейрдре. Истинный «морской котик». Лейтенант Морского отряда специальных операций. А я – лишь гражданский шпак. Доброволец в разведке, прошедший годичное обучение.

Ты круче меня.

Вот только сейчас я исчезну в облаке пламени, а ты отправишься в столовую.

Протягиваю руку, Дейрдре хлопает меня в ладонь. Так между нами повелось. Нет времени для сцен.

А потом кто-нибудь умирает без прощания.

Восьмеро до сих пор не вернулись. Я должен лишь проверить, что с ними произошло. Скорее всего – идентифицировать тела. Прошло два года. Однако, если выжили – вытащить их, исправить то, что они наворотили. И вернуться.

И я вернусь, хрен вас подери.

Триста пятьдесят.

Клапан капсулы опускается под визг сервомоторов, он выпуклый, словно хитин майского жука. Слышу щелчки затворов.

Дейрдре целует семнадцатислойное стекло треугольного визора. На бронированной поверхности остается след ржаво-коричневой помады.

Красивые губы Дейрдре отпечатываются на моем саркофаге, как подсыхающая кровь.

Стальной скрежет в верхней части капсулы. Щелчок, с которым челюсти входят в

причальное гнездо.

Все контрольные экраны сияют зеленью и голубизной.

– Ночной Странник, здесь Контроль. Начинаем сброс. Как чувствуешь себя, Драккайнен?

– Готов.

– Ты уже на транспортной шине, движемся в сбросовую камеру.

– Понял.

Всю дорогу Контроль опрашивает меня согласно процедуре и показаниям приборов – наверняка, просто чтобы чем-то меня занять. Это ведь не челнок.

Это посадочная капсула. Она – устройство. Я ни на что не влияю. Старт и посадка произойдут автоматически.

Я должен стиснуть зубы на капе загубника и помнить о дыхании. Максимально расслабиться, думать о Европе и стараться получить от всего этого хоть немного удовольствия. И только.

Что-то вроде пневматической почты.

– Как чувствуешь себя, Нитй’сефни?

Нитй’сефни – Ночной Странник. Мой позывной. Произнесенный на горловом наречии Народа Побережья. Кроме меня, может, человек двадцать знают этот язык. Узнаю голос. Это Лодовец. Шеф миссии. Симпатичный дядька с добродушным, совершенно гуманитарным обликом профессора философии из какого-нибудь уважаемого университета. На самом деле беспощадный, словно клубок кобр, дьявол, который и искусил меня присоединиться к программе. Теперь он решил, что должен попрощаться лично. Что это наверняка произведет на меня необходимое хорошее впечатление.

– Как груз, шеф.

– Будет как в луна-парке. Тебе понравится.

Коридор, по которому движется мой кокон, освещен флуоресцентными кольцами ламп, за мной закрываются шлюзы.

Я сам хотел этого.

Не вижу звезд.

Не вижу также и планеты, которая скоро станет моим единственным миром.

Когда отворятся шлюз сбросовой камеры, это все находится внизу, под капсулой. Я могу смотреть на стену, раз за разом окатываемую оранжевым светом аварийной лампы.

В наушниках – шум. Контроль проверяет последние параметры, напыщенная сука начинает посекундный отсчет. Что за голос – обиженная валькирия накануне менструации. Надеюсь никогда ее не встретить.

– Хочешь что-то сказать?

– Я невиновен.

Последний звук моего мира – лязг стыковочных узлов, скользящих по броне, и сдавленный рокот движка.

Я не готов...

А потом уже нет никаких звуков снаружи, кроме голосов в наушниках. Я издаю радостный ковбойский вопль и падаю.

Такое раскованное поведение – традиция. Я отважен, крут и бессмертен.

Это в самом деле начинает мне нравиться.

Почти ничего не рассмотреть. Все клокочет, звезды размазываются зигзагами, однако на

миг я вижу «Манту», висящую на небосклоне подобно широкому наконечнику киберийской стрелы. Затем она моментально уменьшается и превращается просто в звездочку, не отличимую от прочих. Прощайте, налоги, процедуры и предписания. Прощай, цивилизация. Прощай, сладкая Европа. Пусть твой бык унесет тебя к чертовой матери.

Конец.

И хрен вас всех подери.

Я стараюсь дышать нормально, но мне кажется, что кишки вылезают у меня через горло. Кожа лица растягивается в гримасе, и я начинаю слепнуть. Чувствую, как кровь отливает от пальцев, как деревенеют ноги.

На треугольном визире вижу отпечатавшиеся губы прекрасной Дейдрре из Дерри. Кровавый след от поцелуя остался, но вот и его сдирает кокон яростного огня, расцветающий вокруг капсулы.

* * *

Никто меня не ждет. Высокий скалистый берег моря чист до самого горизонта. По границу поросших редкими кустиками соленых топей, за которыми маячит темная линия леса.

Полное безлюдье. Это хорошо. Если бы кто-то повстречал меня здесь – пришлось бы его убить.

И это не шутка.

Миссия сугубо секретная. Официально нелегальная. Весь этот мир – под абсолютным карантинном. С момента краха исследовательской программы карантин безоговорочен. Первая антропоидная цивилизация в исследованном космосе. Бесценная. Они не должны узнать, что неодиноким во Вселенной. Нам же не позволено копаться в их культуре, что-то исправлять. Кто мы такие, чтобы судить, и все такое прочее. Все, что я делаю, само мое существование насилует предписания, торжественно заверенные в Брюсселе. Лодовец, с точки зрения идеологии невмешательства, – преступник. Рискует вызвать культурный шок, чтобы спасти нескольких людей. Несколько личностей. Ну, может, еще хочет понять, что здесь вообще происходит.

И все – противу любых директив.

Мне это совершенно не мешает.

Я приземляюсь с точностью до одного метра в каких-нибудь пятидесяти шагах от края скального обрыва. Парашют типа «крыло» и гравитационные маневренные движки.

Жду пять минут, пока поверхность не остывает настолько, что можно выйти, а потом отстреливаю защелки крышки и отстегиваю пояс.

Капсула, стоящая в кругу выжженной травы, выглядит как треснувший плод.

У меня мало времени. Не могу глазеть на окрестности. Все следы моего прибытия должны как можно быстрее исчезнуть.

Нужно вытащить все оборудование, какое я должен прихватить с собой. Сложить парашют и затолкать его в люк. А потом нагрузиться пожитками и запустить отсчет.

Вещи я переношу в щель в скале. Набитые переметные сумы, седло, мешок, оружие. Воздух холоден и чист, просвечен яростным, невероятным пламенем заката. Это единственная чужая планета, которую я видел в своей жизни. Как большинство людей, я

никогда не покидал Землю. И потому никак не могу понять, почему все выглядит так повседневно.

Обычно.

Трава как трава. Растения как растения. Слегка чужие, но не больше чем в какой-нибудь Бразилии или Австралии. Небо над головой, закат солнца, морские волны бьют в берег – все совершенно нормально. Как на полигоне в Коста-Верде. Как дома под Сплитом.

Как везде.

Мне жаль парашота. Несколько десятков квадратных метров фольги. Прочнейшая и легчайшая, чем все, что смогу здесь встретить, ткань. Множество прекрасных веревок, сплетенных из арахнида. На каждой можно подвесить вола. И все это мгновенно обратится в пар, а месяцы убийственных тренировок выработали у меня инстинкт мусорщика: каждая найденная вещь может пригодиться. Поэтому мне нелегко расставаться с парашютом. Теряю его зря и уже вскоре, сражаясь с каким-нибудь непрочным канатом, стану о нем тосковать.

Я поднимаю крышку детонатора, поворачиваю ключ, ввожу код из шести цифр, а потом отгибаю выкрашенную в красное рукоять, поворачиваю ее и вытаскиваю на всю длину.

Ничего.

Вместо квадратных цифр отсчета вижу на экране строки машинных кодов, потом какие-то значки и – один за другим – сообщения об ошибках.

Мне делается горячо.

Одна из загадок этого мира.

Одна из тех, которые я должен выяснить.

Мидгард – смертельная зона для электроники. Здесь все барьеры, которыми дома мы окружены с момента рождения по час смерти, очень быстро начинают колебаться, затем выходить из строя, а потом – умирать.

Первая экспедиция даже не смогла стартовать. Спасательный модуль, который за ними послали, после старта сумел выйти только на орбиту, а минутой позже все оборудование сдохло. Даже свет в кабине погас, а модуль лег в дрейф. Пришлось его вылавливать. Все выжили, но потом пришлось выбросить даже часы.

Челнок, прибывший за последней экспедицией, ждал в условленном месте всего полчаса. Когда вернулся, едва не разбился о стыковочный модуль материнского корабля.

Теперь я не знаю, пущен ли отсчет и просто отказал экран, или команда на самоуничтожение не принята. Если я ошибаюсь, буду сидеть здесь и долбить в клавиатуру, пока гипертермобаррическая бомба не оживет под моими ногами.

Конец миссии.

Чувствую, что полотняная рубаха делается мокрой. Нервно стучу по мертвым клавишам, вводя процедуру задержки, потом перегружаю оборудование ключом.

Оно перегружается, но все идет в три раза медленнее, чем обычно. Снова ключ, коды, ввод. На этот раз отсчет начинается. Некоторые цифры выглядят странно, словно буквы чужого алфавита.

Удостоверяюсь, что отсчет пошел, и галопом несусь к скалам.

Взрыв догоняет меня метрах в двухстах.

Я вижу ослепительный свет и даже не успеваю упасть. Ударная волна сметает меня, будто цунами, и волочет по грязи и мху болота. Рот мой полон грязной воды, одна рука и спина горят, словно облитые кипятком.

Через полсекунды ударная волна возвращается. Воздух заполняет сферу пустоты в

эпицентре.

Вывод прост: детонатор сработал после первого раза.

Едва не накрыло.

Вокруг места, где находилась моя капсула, образовалась округлая выемка, словно выгрызенная в скале, и кольцо обугленной травы. Над всем этим встает грибоподобное облако, как миниатюрный ядерный взрыв.

И приказал сжечь на берегу все корабли.

За кольцом скал, где я сложил оборудование, сажусь на плоский камень и опираюсь спиной о гранит. Смотрю в темное небо. Слушаю чужие тоскливые крики птиц.

В нашем мире непросто найти пустошь, в которой не было бы ничего, кроме природы, неба над головой и сидящего на камне человека. Человека, которого обязывает только закон, находящийся в его сердце. Всю мою жизнь, где бы я ни оказался и что бы ни делал, мною управляли миллионы правил. Тысячи чиновников форматировали любую мою мысль и поступок. Для всего находилась процедура. Меня все время пытались контролировать и оберегать от любого риска. Всю жизнь я ощущал себя так, словно мне двенадцать лет. И словно у меня миллион родственников.

Здесь меня никто не опекает. Могу напиться, подвернуть ногу, взлететь на воздух из-за собственного термического оборудования или провалиться в какой-нибудь колодец. Все – на собственный страх и риск.

Боже мой, какое облегчение!

Под кипой вещей я нахожу плоскую пластиковую бутылку палинки «Монастырь» и делаю изрядный глоток, но сперва выливаю пару капель в ладонь и прижимаю руку к земле. Жертва для Хинда, бога воинов. Теперь Побережье Парусов – моя единственная родина. Чувствую вкус слив, которые росли по ту сторону космоса, где-то под Риекой. Вкус адриатического солнца, которое здесь – едва видимая звездочка внутри скромного созвездия, именуемого Ладонь. Невообразимо далеко. Непредставимо. Человек не умеет мыслить астрономическими категориями. Меня предостерегали от этого. Это фатально для самочувствия. Можно сойти с ума.

Словно я – тот, кто собирается сделать то, что сделать надлежит, – являюсь нормальным.

Я раскладываю скромное свое имущество. Все предметы знаю наизусть, тысячи раз держал их в руках. Умею собрать и разобрать даже во сне.

Сперва я не понимал, для чего все это. Считал, что надо иметь нормальное оружие. Хотя бы пистолет. Конечно, я могу напоминать туземца, но зачем морочить голову куче людей, чтобы под руководством ксеноэтнологов шить мне сапоги из специальных модифицированных шкур с помощью клонированных сухожилий, если я могу надеть крепкие военные или туристические берцы за пятьдесят евро? Кому какое дело? Неужто я так войду в легенду как Человек С Волшебными Берцами и изменю культуру этого мира?

Почему мне нельзя забрать парашют? Я бы завернулся в тонкий полотняный платок, словно в пеленку. Несложно подпоясаться бечевкой, свисающий сзади прямоугольный кусок сложить так, чтобы образовалось два треугольника, и протянуть его между ногами, а потом завести конец под бечеву и вытащить наружу. Это просто.

И неудобно.

У меня груз, который обременил бы и крепкого коня, но нужно управиться. Меня научили обходиться без самого необходимого, но неизвестно, как долго придется здесь развлекаться. А каждый предмет увеличивает шансы на выживание.

Я буду считаться погибшим во время выполнения приказа, если меня не найдут через год на том же самом месте или если я не подам признаков жизни.

Электроника погибает тотчас же, но бионические системы как-то да действуют. Меня это не удивляет. В конце концов, люди и животные чувствуют себя здесь прекрасно.

Я вытягиваю контейнер с радиолярией. Мой талисман. Моя животинка.

Мой передатчик.

Металлический цилиндр, покрытый паутиной орнаментов. Я нажимаю несколько украшений в установленной последовательности – голову змеи, лист клена, колесо повозки, глаз жабы. Внутренний контейнер с шипением высовывается, радиолярия бессильно приподнимается в зеленоватом желе, словно большая медуза. Щупальца свободно свисают, шляпка антенн окружает ее колокол, по склизкому телу пробегают крохотные искорки люминесценции. Передатчик спит и ждет своего часа. Однажды мне придется вызывать помощь, отчитываться о завершении миссии – пересылать свой последний рапорт. Тогда радиолярия проснется. Отправит мое сообщение прямо на наблюдательный спутник. Вероятно, это будет стоить ей жизни.

Во время тренировок выяснилось, что для похода мне нужно облачиться в полный доспех. Иначе я не смогу забрать с собой все. Он не тяжелый, но сам по себе – страшно неудобный. Запихан в пузатый тюк, а мне необходимо взять еще переметные сумы, скрученный в скатку плащ, оружие, щит и седло. Будь это нормальный здешний доспех, я едва ли смог бы в нем передвигаться. Благодаря современным материалам, которые успешно пытаются имитировать кованую сталь, плетеные ремешки и крепкую кожу, во всем нем, включая шлем, едва наберется двенадцать килограммов. Полный доспех обычного воина с Побережья весит в два раза больше. Я надеваю наголенники, наплечник, кольчугу, полный панцирь и шлем. Подвязываю пояс с оружием и впервые вытаскиваю меч.

Его изготовили на предприятиях «Нордланда», выпускающих гравитационные боевые вертолеты. Он не похож на мечи Людей Побережья. Он немного длиннее, у него рукоять вдвое больше обычного и без ярко выраженного навершия, с квадратной щитовой гардой и односторонним клинком, выращенным как мономолекулярная частица. Его форма слегка напоминает *синоби-кэн* – меч тайных убийц старой Японии. Я предпочел бы самурайский меч катану, но мой боевой инструктор с помощью нескольких болезненных примеров доказал мне, что это глупый каприз. Вместо этого я получил более универсальный инструмент, который годится для разных техник. Могу фехтовать, сражаться в стиле *кэндзюцу* или рубить, словно тамплиер.

Мачете я получил дополнительно, как обычный инструмент. Оно настолько же простое и технологически совершенное, как и меч. Однако в парафеодальных культурах, как эта, меч не просто вещь. Он не только стоит

кучу денег. В нем заключена честь воителя, его удача, духи жертв, некий бог – персонально – и дьявол знает что еще. Если я начну рубить им сухие ветки для огня или копать в земле, получу на свою голову проблемы или стану посмешищем. В любом случае – привлеку к себе ненужное внимание.

Есть еще нож, немного бивачного оборудования, теплая одежда, запасные сапоги, зимние сапоги, раскладной лук, стрелы, овальный щит из ламината и конская упряжь. Проклятое седло. Оно совершенное и легкое, со множеством тайничков и сумочек, но для транспортировки, пожалуй, нет ничего менее удобного.

Шлем, конечно, на голове. Переметные сумы сконструированы так, что я могу повесить

их на плечо – одну впереди, вторую сзади – и связать по бокам. Колчан со сложенным луком – на поясе справа. Мачете – под клапаном сумки, висящей на груди.

Седло в конце концов я грузу на загривок, уперши внутренним чепраком о щит; одна его сторона входит между сумкой и задней частью шлема.

Вот он я.

Иду.

Груженный, словно дромадер, в полном вооружении и с седлом на загривке, выгляжу как Труляля и Траляля в одном лице. Я спотыкаюсь на болотистом, полном валунов и засохших деревьев пространстве, позваниваю снаряжением и двигаюсь в сторону леса, который должен скрыть всю эту беду.

Царство за коня.

Опускается тьма. Я решаю пробудить цифрал.

Цифрал. Мой паразитарный ангел-хранитель, выкормленный в тайных лабораториях «Нисима Биотроникс» для Морского отряда специальных операций.

Единственный элемент снаряжения, который я наверняка не потеряю и без которого здесь мне будет непросто выжить.

Он превращает меня в сверхчеловека. Это благодаря ему я вижу в темноте и слышу мышинный писк с двухсот метров. Это он в минуты опасности вбрасывает в мои вены гипердреналин, который ускоряет мои движения и реакции. Благодаря ему бряцающее лопотание Людей Побережья или горловое бормотание амитраев превращается для меня в родной язык. При необходимости он обезболит меня, вылечит, передаст карту под закрытые веки или прицел на сетчатку глаза.

Только благодаря ему за год обучения я выучил столько, сколько в стандартной ситуации изучал бы лет двадцать.

Без этого проклятого паразитарного гриба в моем мозгу вся миссия была бы только дорогостоящим самоубийством.

Ввели мне его через нос.

Тогда он был всего лишь зерном.

Он растворил свою оболочку и превратился в личинку не больше зародыша малярии. А потом путешествовал в кровеносной системе, пока не добрался до гипоталамуса. Там он угнездился и начал расти, кормясь моей кровью.

Когда двенадцать лет назад в глубокой тайне испытывали прототип, моя любимая родина голосом некоего обезумевшего еврократа настояла, чтобы цифрал следил, дабы солдаты действовали по уставу, согласно процедурам и соответствующим предписаниям. А лучше всего, чтобы оставались послушными. Подозреваю, мечтал он о Европе, в которой нечто подобное привьют каждому новорожденному. Счастливы-тестеры были из отряда «Фальширм'ягер». Несколько командос погибли во время полигонных испытаний, а двое вышибли себе мозги, прежде чем им удалось деактивировать имплантаты. Трое оказались в дурдоме.

Я панически боялся, когда его в меня вводили.

Они объясняли, что это шестая, прекрасно оттестированная версия. Что это лишь вспомогательная система, элемент, который не станет вмешиваться в мою личность. Просто внутренний компьютер. Он сделает доступными временно неиспользуемые части мозга и позволит управлять процессами, на которые обычно мы не можем влиять. Что в случае чего все можно вернуть назад. Если его деактивировать, он сохнет и будет реабсорбирован

организмом. Твердили, что они знают что делают.

Я им не верил ни на грош.

Панически боялся.

А потом цифрал активизировался и лишил меня страха.

Это первое, что он сделал. Убил во мне способность к обычному человеческому испугу. К панике или истерии. Я больше не получу милого человеческого невроза и не буду просыпаться с чувством беспокойства, ощущением неопределенного несчастья, как бывает с нормальным человеком. Перед лицом опасности я до последнего прикидываю, думаю и планирую. Я бываю обеспокоен или испуган, но не могу испытывать парализующий ужас. Не умею. Когда не происходит ничего особенного, я безмятежно спокоен. Не переживаю наперед.

Я думал, что он превратил меня в психопата, и сразу ринулся к Лодовцу.

Меня обследовали. Цифрал просто поставил мне фильтры. Я могу любить, возжелеть, сочувствовать. Мне может быть грустно. Я могу испугаться. Высшие чувства остались. Но негативные эмоции не могут вырастать во мне до таких размеров, чтобы сбить меня с ног.

Лодовец предостерегал, что это может меня убить. Что мне, получается, необходимо обрести в два раза большую рассудительность, чем остальным, поскольку эти механизмы – испуг, паника – природные предохранительные системы, вытекающие из инстинкта самосохранения.

Только и того, что с некоторого времени он у меня в дефиците.

И лучшее тому доказательство – что я согласился принять участие в миссии.

Есть и плохие стороны. Порой ускорение реакции не слишком удобно. Когда гипердреналин попадает в кровь, можно пробить рукою дверь, которую лишь хотел открыть, и при этом сломать себе кости. Звуки занижены на несколько октав и плохо различимы. Не дай бог в таком состоянии хлопнуть в ладоши. Можно обрезать себе пальцы, просто ухватившись за шнурок.

Все мы, кто учился в замке Даркмур, после активации цифрала боялись касаться женщин. Это ведь тоже – эмоции. Мы рассказывали друг другу легенды о том, как некий командос якобы разорвал на куски дамочку в приливе страсти. Впрочем, в группе были и девушки. Две.

О том, что происходит, когда встречаются двое с имплантатом, ходили легенды.

Как обо мне и Дейрдре.

К счастью, это именно легенды.

Когда цифрал благословил меня даром языков, получив увольнительное, я отправился в паб в Аксенхилле – и не сумел заказать пива. Бормотал на смеси языков Побережья и кебирийского, вставляя хорватские, финские и польские ругательства. Потом как-то отрегулировалось.

Ноктолопия тоже кажется удобной – до того момента, пока не вылезешь из темноты в источник света. Зеницы реагируют мгновенно, цифрал тоже, но рисунок на сетчатке остается на пару минут. Дейрдре как-то ночью полезла в холодильник с подсветкой в глазах и отворила его. Зрение вернулось к ней только к завтраку.

С другой стороны, осознание, что, когда нужно, ты можешь голыми руками перехватить летящую стрелу или попасть ножом в осу на стволе – помогает. Позволяет выдержать. Мое задание – сбор информации. Главное мое оружие – мозг. Так меня учили. Но физическое превосходство дает совсем другое душевное состояние.

Солнце заходит. Я бреду через топь, ступая у комлей засохших деревьев, прыгаю по валунам и камням, балансируя горой груза на загривке. Рубаха под доспехом, кольчугой и кафтаном пропиталась потом. Спина, обожженная при взрыве, сильно печет. Темный густой лес, настоящая стена обомшелых стволов, маячит в нескольких метрах от меня. Я останавливаюсь на прогибающемся ковре мха, смотрю еще раз на морской горизонт над краем скалы и активирую цифрал.

* * *

Уже подступали ранние сумерки, когда Вуко Драккайнен оказался между деревьями. Лес был неприятен. Низкий, спутанный, полный рахитичных деревьев с искореженными стволами, поросшими бородастым лишайником. Где-то в ветвях покрикивали птицы.

Драккайнен двигался плавным, размеренным шагом, одной рукой фиксируя рукоять меча, а второй придерживая взгроможденное на загривок седло, цепляющееся за ветки. В этом лесу не было троп. Деревья, умершие от старости, падали в подлесок, преграждая дорогу, или цеплялись за кроны ближайших соседей, повисали, спутавшись ветвями, обрастая грибами и лишайником, пока не сгниют. Настоящие джунгли.

Через час он замерил скорость движения и решил, что так до удаленной на восемь километров исследовательской станции будет добираться еще минимум пару часов.

Конечно, существовала вероятность, что, добравшись до места, он получит чай и бутерброд с ветчиной. «Мы научились делать местный хлеб! Думали, что уже никто за нами не прилетит». Тогда миссия будет завершена в два дня, не считая времени, ушедшего на планирование, обучение и подготовку.

Дорога тянулась. Лес был монотонным и скучным. Одни и те же черные изогнутые стволы и неряшливые фестоны колышущегося на ветру лишайника. Пахло мокрой грибницей, трухой и – остро, мускусно – маленькими грызунами.

Он взглянул на мир в инфракрасном диапазоне. Немного от скуки, а немного оттого, что лес начинал тонуть во мраке. Подкрашенные зеленью деревья не стали красивее, зато проявились похожие на маленьких капибар грызуны, прячущиеся в подлеске и поблескивающие расплавленным серебром глазок, а также прыгающие по ветвям птички, снующие как зажигательные пули насекомые и змеи, таящиеся в зарослях.

Марш действительно затянулся на три часа, и, когда он добрался до места, опустилась ночь. В пейзаже вокруг Странника ничего не изменилось. Просто в какой-то момент он остановился и произнес: «Здесь».

Он знал, что находится в паре десятков метров от расчищенной площадки на вершине холма, где был построен крытый гонтом бревенчатый дом, окруженный палисадом и называемый исследовательской станцией «Мидгард-II».

Драккайнен снял с себя неудобное барахло и тщательно уложил его между двумя прогнившими стволами, маскируя разлапистыми листьями, похожими на папоротник. Стояла тишина. Птицы смолкли, только время от времени слышался протяжный рев ночного хищника.

Он сидел меж папоротников, ждал, пока высохнет мокрая полотняная рубаха, и слушал. Ветер не приносил никаких знакомых звуков. А с такого расстояния он не мог не услышать треска огня, бряцанья вилок, ложек и ножей, разговоры. Ведь самое время для ужина на

исследовательской станции. Однако никто не разговаривал. Мертвую тишину прерывал лишь едва слышный странный звук. Что-то слегка постукивало и клокотало – на самой границе слышимости.

Зато был отчетливый запах падали. Острый и тошнотворный одновременно – его невозможно ни с чем перепутать.

Минуту он поводил головой, пригнувшись, пока не установил направление. Смердело как раз со стороны станции. Не так сильно, как могли бы вонять человеческие останки, и тем более – восемь трупов, но все же.

Может, просто забытые припасы.

Он отложил щит и шлем. Перекинул меч за спину и проверил, удобно ли дотягиваться до рукояти. Затем подтянул все пряжки и несколько раз подпрыгнул на мху, проверяя, не звенит ли чего. Голову повязал косынкой, а потом, найдя под корнями лужу, вымазал лоб и щеки грязью.

Станция стояла на холме, поросшем стелющимся по земле кустарником. Драккайнен не замечал никакого движения. Видел только щербатый, не слишком высокий частокол – словно ряд испорченных зубов – и провалившуюся посередине крышу. Не было ни дыма, ни огня, ни малейшего движения. Станция выглядела давно покинутой. И все же он чувствовал беспокойство.

Во-первых, по всему склону холма, на расстоянии десятка метров от палисада лежали мертвые животные. Они окружали это место. Крысы, кабаны, олени, волки, даже птицы. В разной стадии разложения. Он видел кости, перья, куски плоти и меха. Большинство животных изрублены или разорваны. Ни одно толком не освежено и не разделано. Зато все без голов.

Кроме того, на холме было градусов на пять холоднее, чем в других местах. Эдакое пятно холода и вьющегося лентами тумана с эпицентром на станции, выделяющееся голубоватым свечением.

Он прокрался, бесшумно идя от куста к валуну, от валуна к дереву – словно кот на охоте. Обезображенные останки лежали повсюду, некоторые светились зеленоватым фосфоресцирующим теплом, производимым процессами гниения. Он решил отфильтровать запах падали, поскольку из-за него больше ничего не чувствовал. Чем ближе к станции, тем становилось холоднее: он видел вылетающие изо рта облачка пара.

Ворота, сбитые из кривых, щелястых досок, выломали давным-давно. Вот только выломали изнутри. Он прижался спиной к частоколу и передвинулся ближе ко входу, легонько касаясь оплетенной ремнями рукояти меча. Обычно ворота запирали толстый брус – теперь подгнивший. Не меньше года назад его переломил сильный удар, будто кто-то въехал в ворота вездеходом. Но ученые не располагали вездеходами.

Он наклонился к выломанным доскам и быстро заглянул во двор. Пусто. Разгром. Руины.

Внутри палисада стоял дом, теперь пустой, частично разрушенный и темный, посреди подворья – квадратный колодец с журавлем и несколько меньших по размеру строений под самой линией частокола. Все это успело превратиться в кучу балок и камней.

Где-то капала вода, откуда-то доносился легкий перестук, наводивший на мысль о деревянных молоточках. Вне этого царили тишина и мертвенность.

Драккайнен скользнул внутрь, словно кот, осторожно ступая по дорожке, сложенной из мокрых трухлявых досок.

Загрещало снова – лишь теперь он их заметил. Они висели на стропилах дома, на ветках дерева, растущего в центре двора, на заостренных столбах частокола. Ветровые трещотки: колыхаемые ветром небольшие конструкции, сплетенные из тонких ремешков и травы.

И костей.

Трубчатые кости, ребра, черепа небольших зверьков. Они висели на ремешках, украшенные пучками перьев, колеблемые дыханием ветра, и сталкивались, издавая тихий навязчивый звук, который он слышал уже некоторое время. Постукивание в разной тональности, складывающееся в случайные мотивчики. Звук, милый слуху, если бы не его жутковатый источник.

Он скользнул в избу. Пахло старым деревом, давно выветрившимися реактивами и плесенью. Длинное внутреннее помещение делилось на несколько комнаток. Он расширил зрачки, увеличивая восприятие света, благодаря чему различил – как в сером сумраке – подробности. Если бы не цифрал, в доме было бы темно словно в колодце. Деревянные скамьи под стенами, длинный, сбитый из бревен стол посередине. Очаг.

И за этим столом, над металлической кружкой кто-то сидел. Неподвижно, как памятник, склонившись вперед и упершись локтями в столешницу, словно в раздумьях над чашкой чая. Кожа его казалась гладкой и неестественно серой, чуть лоснящейся в свете звезд, проходящем сквозь дырявую крышу.

Не издав ни звука, Драккайнен обошел стол и присмотрелся к сидящему с другой стороны: ободранный от мяса череп, ряд ощеренных зубов, лесенка ребер, кости второй руки. Труп.

А скорее – полутруп-полустатуя. Выглядел так, словно кто-то окунул его правой стороной в подобие бетона, а потом усадил за стол. Вуко протянул руку и слегка коснулся его предплечья. Оно было холодным и твердым. Монолитно серым, с примесью мелких кристалликов. Гранит.

Отполированная и тщательно вырезанная статуя правой стороны мужского тела. Левая разложилась, остался только скелет с высохшими лоскутьями кожи и мышц, кусочками скальпа с длинными светлыми волосами, все еще держащимися на черепе.

Он присел и внимательно осмотрел место, где заканчивался камень и начиналось тело. Там, где были видны кости, они постепенно переходили в камень, будто сплавленные с ним. Это и правда статуя? Кто сотворил подобное? Каким образом? И – зачем?

На столешнице перед мужчиной он заметил следы крови. Коричневые, темные кляксы, давно впитавшиеся в дерево. Он потер их, приблизил палец к носу и принялся. Затем, преодолевая отвращение, вырвал волосок из скальпа мертвеца и тоже провел им под носом. Халлеринг. Доктор Йоханн Халлеринг из университета в Мюнхене.

Наполовину превращенный в статую.

Прими, Господи, его душу.

Он обыскал лабораторию в надежде найти какие-нибудь заметки, но внутри здания царил разгром. Его центр пострадал сильнее всего. Выглядело так, словно здесь что-то взорвалось и проломило крышу, после чего рухнули опорные столбы. Он нашел кое-какие вещи, ящики с остатками армейских рационов в пакетах, истлевшие клочья одежды. Женскую губную помаду, растоптанное зеркальце.

Они не могли пользоваться здесь компьютерами – никаких дисков и диктофонов. Приходилось все записывать на бумаге. Значит, где-то должны остаться протоколы исследований, заметки, записки. Но ничего подобного он найти не смог.

Что же здесь произошло? Нападение аборигенов?

Помещения станции выглядели специально разрушенными, но не ограбленными. Драккайнена научили мыслить категориями Людей Побережья – по крайней мере, настолько, насколько возможно. Он знал наверняка: будь он на их месте, не оставил бы, например, прекрасную стальную секиру лежать на земле. Забрал бы ее, столовые приборы, канистры, зеркало из примитивной ванной комнаты и множество других вещей. Хотя бы дамскую косметичку, в которой поблескивала горсть бижутерии. Вынес бы все, что смог, и только потом рассортировал бы, выбрасывая ненужное.

В лаборатории, кроме прочего, стоял длинный крепкий стол, освещаемый полевыми лампами на жидком топливе. На нем – коллекция разнообразнейших местных предметов.

Они были рассортированы. Отдельно пуговицы, пряжки, крючки – все, что использовалось как украшения и застежки в одежде. Отдельно украшения, мужские и женские. Ожерелья, амулеты, фибулы, кольца. Камни, серебро, немного золота. Шкатулка, полная монет. Вперемешку серебряные секанцы, грубые кроны Побережья, чеканная императорская монета из Амитрая, квадратные кебирийские тигрики. Много. Для любого местного – изрядная добыча.

Единственными записями, на которые он наткнулся, была стопка рисунков на технической кальке, изображавших орнаменты и украшения одежд. Кроме этого – ничего. Никаких заметок, протоколов. Ничего.

Когда-то здесь кто-то сидел. На складном стуле, под теплым светом спиртовки, сортируя образцы предметов. Пил что-то из металлической кружки, купленной некогда в спортивном магазине, – теперь она стала матовой и изнутри поросла заскорузлой темной массой, которая уже не была даже плесенью.

Он что-то услышал... Вдруг именно то, что произошло с Халлерингом? Может, все случившееся сопровождал такой же шум? Резко поднялся, опрокинув стульчик. Тот сложился и упал.

Части станции, которые не были разрушены, выглядели покинутыми, словно корабль, дрейфующий по Бермудскому треугольнику. Сбитая постель на гамаке, устроенном из ошкуренных жердей и матраса, сплетенного из натянутой между балками бечевки. Он обнюхал спальный мешок, закрыв глаза и глубоко вдыхая воздух.

Плесень... пыль... опилки, частички гниющих балок и где-то глубоко, едва ощутимые, частички ДНК. Несколько клеток эпидермиса. Слюна. Остатки семени. Лезерхазе. Нигель Лезерхазе.

Он тщательно обошел все жилые помещения, обнюхивая истлевшие остатки одежды, старомодные бритвенные лезвия, пришедшие в негодность вещи. Нашел следы всех восьмерых.

Но только следы.

Снаружи снова раздался гулкий звук, будто что-то прокатилось по деревянным балкам.

Он взялся за торчащую над плечом рукоять меча и осторожно выскользнул из дома, прижимаясь спиной к бревенчатой стене. По сравнению с полумраком дома ночь снаружи казалась ясной. Благодаря усилителям света он видел все почти как в серый, хмурый рассветный час, но там, куда свет звезд и рассеянное атмосферное сияние не попадали, лежали пятна глубокой темноты.

Драккайнен сконцентрировался, аккуратно ставя ноги в мягких сапогах и удерживая низкую боевую стойку. Одна ладонь – на рукояти, вторая вытянута вперед на уровне точки

чудан. Рядом с колодцем, на тропке, выложенной деревянными слегами, перекачивалась пластиковая желтая емкость. Группа не была обязана настолько же жестко, как он, заботиться о вращении в местные условия. Попивали земное пиво из банок, разогревали себе ростбиф с овощами, черпали воду полиэтиленовым ведром.

Что-то мелькнуло на границе тени. Слишком быстро для человеческого существа. Словно низколетающая птица.

Решил, что оно – чем бы ни было – уже знает о его присутствии. Все эти останки вокруг холма оставили недавно. Некоторые трупы совсем свежие. А последним следам ученых уже пара лет.

Медленно, осторожно он обошел избу, но ничто не шелохнулось.

Позади дома, куда он еще не заходил, наткнулся на статую. На этот раз настоящую. Из полированного камня, видимо базальта. Несомненно, местной – и умелой – работы. В виде слегка стилизованной фигуры танцующей беременной женщины с ощеренными треугольными зубами – как у акулы. Из одной руки ее торчал предмет, напоминавший серп, всаженный в проверченную дырку так, чтобы его можно было легко извлечь. Во второй руке женщина держала каменную миску. Статуя имела метра полтора в высоту. Ее наверняка приволокли в исследовательских целях, хотя она и была дьявольски тяжела. Но под ее приподнятой в танце ногой возвышалась горка черепов. Птичьих, звериных, разной величины и формы.

И два человеческих.

Он осторожно присел – так, чтобы иметь возможность моментально броситься в бой, и аккуратно раздвинул кости. Первый череп, который достал, был небольшим, а челюсть куда-то исчезла. Прекрасно очищен насекомыми: их острое кислое присутствие он отчетливо ощущал; выцветший под солнцем, омытый дождями. Но следы аминокислот были ощутимы, поэтому он сосредоточился, стараясь выхватить дремлющие где-то под спудом, напоминающие запах горелых перьев следы нуклеотидов.

Нашел их, а потом какое-то время ждал, пока его превращенная в базу данных часть мозга различит индивидуальный рисунок. Пока знал только, что это ДНК пахнет знакомо. Мажена Завротилова... Специалистка по ксенозоологии.

Он дотронулся рукой до статуи. Миску и поднятую ногу обильно пятнали ржавые следы и потеки.

На него кинулись сбоку.

С внезапным, почти поросычьим визгом – что-то темное, размазанное, зубастое.

Драккайнен испугался, а мир внезапно замедлился, визг превратился в более низкий звук – словно от расстроенной трубы. Падая, он заметил, как растопыренная худая лапа с крупными, изогнутыми, словно крюки, когтями, пролетает мимо его лица. Воздух загустел, точно вода, он ухватил это не пойми что примерно за загривок, успев удариться бедром о землю. Подгнившие следи уступили тяжести тела, он отклонил голову от щелкающих, словно зубья капкана, челюстей и, кувыркнувшись, ударил подошвой в бедро противника, а потом вытолкнул его над своим телом. Бросок по дуге. Выполненный из неудобного положения, но вполне результативно.

Он выстрелил вверх обеими ногами, вскакивая, словно на пружине, сразу в боевую стойку, и одновременно извлек меч – с низким скользящим звуком, напомнившим о тормозящем трамвае.

Тварь еще плыла в воздухе, боком, неловко загребая конечностями. В слабом свете ночи

ее кожа слегка поблескивала. Приземистая, едва метра полтора высотой, она напоминала отвратительно человекоподобную жабу. Ударилась боком о землю, отскочила и проехала метр-другой на спине, но тут же встала – одним резким движением, которое при нормальном течении времени должно было показаться мгновенным. Широкая пасть, словно щрам на плоской голове, выроставшей из плеч, блеснула рядами треугольных акульих зубов.

От руки поднималась пульсирующая боль: краешком глаза Драккайнен заметил несколько узких неглубоких царапин, будто оставленных проволочной щеткой. Как видно, на шкуре твари имелись шипы.

Он поднял меч сбоку от головы в обычном *ассо-но-камаэ*. Это всего лишь зверь.

Увидел, как мышцы ног создания сжимаются, а после – как оно выстреливает в его сторону, словно гигантская жаба. Видел, как треугольные длинные стопы колышутся в воздухе, как оно раскидывает лапы с выставленными когтями.

Выждал до последнего и ушел от молниеносного удара лапы оборотом, согласно с «правилом вращающегося шара», атаковав наискось, примеряясь так, чтобы разрубить позвоночник. Клинок поплыл сквозь загустевший воздух. Драккайнен с удивлением увидел, что тварь проворачивается в воздухе, уходя от удара, и замирает, развернувшись к нему мордой, почти одновременно с его собственным движением. Феноменальная быстрота реакции.

Существо приземлилось боком, из-под когтей полетели щепки и труха, повисающая в воздухе и медленно, словно взбаламученный ил, опадающая. А тварь сразу напрягилась для следующего прыжка.

Он начал вдох, когда тварь прыгнула. Ушел с линии атаки одним плавным движением и рубанул плоско и так быстро, как только сумел, зная, что может сорвать себе мышцы бедра. По острию поплыла волна дрожи: турбулентность. На этот раз самый кончик на миг в чем-то увяз, он не заметил, в чем именно, поскольку провернул ладонь на обратный хват, острием вниз и хлестнул накрест, описывая в воздухе пологую восьмерку. Попал снова – опять самым кончиком. Отступил на шаг и снова сменил хват. Вдох завершился.

Теперь выдох. Наблюдая за миром в замедленном времени, можно забыть о дыхании.

Нечто продолговатое медленно проплыло, кувыркаясь, в воздухе, словно пребывая в невесомости. Напомнило актинию. Драккайнен взглянул пристальнее и увидел, что это отрубленная лапа. Ладонь с куском предплечья, дрейфующая в воздухе и брызгающая каплями крови, словно маленькими пульсирующими шариками.

Он выставил острие перед собой, а потом поднял над головой. Когти воткнулись в землю, тварь ощерилась в вампирской ухмылке, и внезапно вдоль ее хребта и на голове приподнялся гребень длинных шипов, похожих на иглы дикобраза. Остро запахло муравьиной кислотой и касторкой. Мерзость была еще и ядовитой. Плохо.

Нужно было взять щит и оба наплечника. Лень наказуема.

Тварь выстрелила как торпеда. Ее задние ноги наверняка обладали силой катапульты. Прыгнула, однако чуть в сторону, загребая уцелевшей лапой там, где Драккайнен должен был оказаться при круговом уходе согласно с правилом вращающегося шара. Вместо этого человек отклонился назад, со вскинутым мечом, продолжая твердо стоять на земле. Согнул колени, когти мелькнули у него перед глазами, и тогда, ощущая, как рвутся напрягшиеся до предела мышцы брюшины, он распрямился, и, выпустив воздух в жутком вибрирующем крике, звучащем как замедленный гром, рубанул наискось, и, уйдя в другую сторону, разминулся с тварью, словно тореадор.

Тварь приземлилась на задние лапы и повернулась.

Отрубленная лапа завершила полет и с мокрым звуком ударила в землю.

Они снова стояли друг напротив друга. Драккайнен тяжело дышал, чувствуя, как пульсируют все мышцы. Не знал, куда именно попал.

Тварь распахнула пасть, и внезапно на ее груди, наискось, появилась темная, лоснящаяся, похожая на узкий шарфик змейка.

Они все продолжали стоять. Бесконечно долго.

А потом голова вместе с одним плечом начала съезжать с корпуса и через миг упруго ударилась о землю.

Время пошло нормально, свет звезд из желтоватой сепии снова сделался зеленым, а туловище свалилось навзничь, ноги задергались. Странник стоял, тяжело дыша, царапины на предплечье пульсировали болью, но действие яда он не ощущал. Все мышцы подрагивали, лодыжку свело судорогой – словно стальными клещами.

Тварь продолжала дергаться на земле, но довольно неуклюже. Конечности подрагивали, все еще дико сверкали глаза, пасть распахивалась и закрывалась, то и дело поднимался какой-нибудь одиночный шип, гребень на голове ежился и опадал. Даже отрубленная лапа продолжала царапать по земле когтями. Перерубленное туловище ритмично пульсировало струйками крови.

Он не мог вспомнить подобного зверя. Большая часть фауны Мидгарда напоминала земную. До определенной степени. Конвергенция – умение приспособливаться к условиям. Но были это кузены из страшного сна. Медведи: стоя на задних лапах – метров трех в высоту; копающийся в земле травоядный зверь, подобие ленивца, весил почти две тонны, обладал сабельными когтями и пастью, которой мог бы позавидовать и крокодил. Слово на Земле в третичном периоде. Похоже, местный Творец не оставил интереса к зубастым, словно драконы, представителям мегафауны. Могло оказаться, что и эта тварь – прямехонько из «Садов земных наслаждений» Босха – здесь считается обычной жабой.

Нити'сефни ударил ладонью в гарду меча. На земле перед ним появилась черта крови. Он махнул рукой в небрежном *рейсики*, провернул рукоять в пальцах и вложил меч обратно в ножны.

– Ульф Убийца Жаб, – произнес негромко.

Вернулся к памятнику и исследовал второй череп. Нашелся Лезерхазе. Бедолага, не вернешься уже в Кембридж.

Тварь, что все еще подрагивала на земле, не давала ответов. Была исключительно опасна и столь быстра, что человек, не обладающий цифралом, не имел бы ни малейшего шанса при встрече с ней, но наверняка это не она расправилась с Халлерингом, превратив тому половину тела в гранитную статую. Это не она прикончила Завратилову и Лезерхазе, поскольку этим людям отрубили головы с помощью острого металлического и достаточно тяжелого орудия. Позвонки сохраняли следы отсечения и дробления. Скорее всего, от плотницкого топора, все еще воткнутого в пенек подле дровяного сарая. Рядом, на куче порубленных и уже трухлявых поленьев, он нашел рассыпанные человеческие кости. Людей приволокли сюда и казнили. В слое щепок и на самом пне были следы крови обоих. И при этом – крови травматической, полной билирубина. Потом тот, кто это сделал, забрал головы и бросил их у стоп статуи. А еще собрал кровь в какой-то сосуд и наполнил миску статуи. Кто-то принес здесь жертву. Кто?

Статуя была местной, но не с Побережья. Среди местных обитателей не было паствы

беременной танцующей богини с серпом. Не было таких персон в пантеоне.

Насколько он знал, богини Мореходов выглядели совершенно иначе и не требовали человеческих жертв. Возможно, это была амитрайская Госпожа Жатвы, Азина, но отсюда до Амитрая более тысячи километров, горы и пустыня. Точно не было известно, в чем состоял ее культ, но, быть может, он требовал и жертв. Только откуда здесь амитрай? Их держава – большая воинственная империя, которая подчинила немало стран, включая приморские королевства, откуда прибыли Мореходы. Они были народом беженцев. Не потерпели бы здесь амитраев. Считали их демонами и искренне ненавидели.

Одни загадки. Пока он обнаруживал только вопросы – и ни одного ответа.

Несколькосекундный бой страшно его измучил. Мышцы начинали ныть: завтра он будет ходить словно паралитик. Так уж с этим ускорением повелось. Человек не приспособлен к чему-то эдакому. Несколько минут он – сверхчеловек, а потом сутки – никакой. Он знал, что через пару часов упадет и заснет. Голова кружилась уже сейчас. У мышц – огромное кислородное голодание, он сжег почти всю глюкозу в организме, желудок корчится от голода. Наверняка надорвал мышцы. Царапины пульсировали горячей болью. Яда там почти наверняка не было, но надо их очистить. Обожженная спина, залитая потом, придавленная кольчугой и панцирем, тоже дьявольски болела.

Он обошел всю территорию, но других тел не нашел. Завратилова, Лезерхазе, Халлеринг. Не хватало пятерых. Ушли? Их похитили? Они погибли так же таинственно, но где-то за пределами станции?

Он понял, что здесь уже ничего не узнает. И отправился на поиски еды. Военные рационы не были вечными, но могли сохраняться очень долго. Увы, ученые не уважали готовые полевые рационы, которые, закрытые в герметических упаковках, на вид и вкус напоминали корм для животных, зато ничего не требовали с собой делать. Достаточно просто открыть и съесть, даже без разогрева. Вместо этих они набрали более вкусные, лиофилизированные, но в которые необходимо доливать воду. Он пожевал один всухую – все равно, что жрать гипс. К тому же порошок связал всю слюну и застыл соленой, залепляющей рот и глотку замазкой. В баке в ванной осталось немного воды: застоявшейся, со вкусом пластика и полной водорослей. Однако Драккайнен прополоскал ею рот и смешал с засохшей коркой чего-то, что должно было стать рагу из кролика с овощами, в отвратительную кашу, которую уже смог кое-как проглотить. Нашел еще тубик земляничного джема, батончик и запил все это конденсированным молоком. На десерт выдавил себе в рот тубик пасты из анчоусов. В таком состоянии ему было совершенно все равно, что есть. Чувствовал себя умирающей от голода жертвой кораблекрушения. Нашел еще три целые упаковки и спрятал под нагрудник. Остальные – разодраны, раздавлены, содержимое давно смешалось с дождевой водой, сожрали его животные. Да и не много всего этого было.

Он снова обошел лабораторию и удостоверился, что здесь осталось изрядное количество предметов, которые могли пригодиться. Увы, он почти ничего не смог бы забрать с собой. И так ходил обвешанный, словно бродячий торговец. Поразмыслив, прихватил, по крайней мере, местные монеты. Украшения земной работы высыпал в банки из-под кофе и спрятал под камнем фундамента.

Вышел из здания и подумал, что противу всем соображениям здесь он не останется. Это место не подходило для точки контроля. Не подходило ни для чего. Нужно идти дальше. Куда – не имел ни малейшего представления. Решил, что, пока не найдет тела, остальных будет

считать живыми. А значит, они должны были отсюда уйти. Куда? Сперва, наверняка куда глаза глядят.

У дерева, которое росло посередине двора, был странный ствол с бочкообразным вздутием посередине, напоминающим грудь мужчины. Он присмотрелся внимательнее и заметил, что вырастающие из него ветви тоже походят на абрис рук: плечи, бицепсы, даже вены на предплечьях. Чем дальше он смотрел, тем больше подробностей замечал. Ребра, соски, ключицы, кадык – наконец рассмотрел и лицо.

– Еще одна статуя, – произнес вслух. – Настоящая художественная галерея.

И тогда на деревянном лице открылись глаза.

Драккайнен вздрогнул и, отпрыгивая назад, до половины выхватил меч. Глаза смотрели на него с каким-то безумным страданием. Нормальные глаза – с белками, человеческие. У местных радужка чуть ли не на все глазное яблоко, как у лошадей.

Лицо было знакомым. Дюваль. Жоакин Дюваль. Руководитель экспедиции.

– Что с тобой случилось? – спросил и понял, что бессознательно говорит на языке Побережья. Повторил вопрос по-английски.

Глаза внезапно шевельнулись.

– Ты не можешь говорить?! Мигни два раза, если «да», и один – если «нет».

Два мигания. Очень быстро.

– Это сделали местные?

Три мигания. Что бы это значило?

– Живы ли остальные?

Три мигания.

– Это значит, что ты не знаешь?

Минута раздумья.

Два мигания.

В голове Странника пронеслись сотни вопросов, но на немногие можно было бы ответить «да» или «нет».

Что-то тихо постукивало.

Одна ветка справа слегка шевельнулась, ударяясь о соседнюю. Стук-тук... стук... стук-тук... Пауза. Стук... стук... Пауза.

Азбука Морзе? Попытался понять, что этот передает, но растерялся.

Точка, тире, точка, точка, тире, тире, точка.

L-M-E?

Тот начал еще раз.

Тире, точка, тире. Точка, точка.

Наконец он понял: KILL ME. Убей меня.

– Я должен тебя убить?

Тот перестал стучать. Моргнул дважды, закрыл глаза.

– Дюваль! Я не хочу тебя убивать! Это спасательная экспедиция! Я спущу сюда корабль! Но я должен знать! Куда они пошли? Что здесь произошло?! Кто это с тобой сделал? Как я могу помочь?!

– KILL ME KILLME KILMEKILME KILME KILL...

Ничего не получилось.

Драккайнен просил, умолял, убеждал и объяснял. Безрезультатно. Тот не отвечал ни на один вопрос – только повторял по кругу свое.

Он ощупал дерево со всех сторон, но не нашел ничего, кроме ствола. Обычного, гладкого, сухого ствола, почти лишенного коры. Ствол, ветки, ланцетовидные листья, как у оливы. Дерево, в которое был вплавлен Дюваль, как статуя в избе вплавляла в себя Халлеринга.

Дюваль, однако, был жив. Имел только глаза и возможность двигать одной веткой. Рос ли он вместе с этим деревом?

Ничего странного, что сошел с ума.

Исполненный ужаса и сочувствия, Вуко, возможно, и правда смог бы его убить, но понятия не имел как. Как быстро и гуманно убить дерево? Это ведь не так просто.

Отошел, стараясь не вслушиваться в упорный стук ветки:

– KILMEKILMEKILMEKILME...

Он подошел к лежащей на земле половине твари и решил внимательней ее осмотреть. Для начала ткнул мечом. Бледные круглые глаза внезапно раскрылись, рука воткнула когти в грунт, и голова внезапно подскочила, словно ракета, на высоту его лица. Ускорение пало, как занавес; спиной и шеей он внезапно почувствовал напор воздуха, когда отпрыгивал назад, разворачивался и размахисто пинал голову твари. Та изменила траекторию, явно ускорившись, покатила по земле с отвратительным пустым звуком.

Драккайнен глядел на нее со страхом, тяжело дыша, а потом увидел, что рука твари вытягивается вперед, когти втыкаются в доски, затем напрягаются мышцы, подтягивая плечо и голову, и рука снова выстреливает вперед, как в плохом фильме ужасов. Ползет. К нему.

– *Piczku materi!* – рявкнул Драккайнен. – Да подыхай же ты, падаль!

Ухватил меч двумя руками и изо всех сил проткнул существу череп. Потом поднял удивительно тяжелые останки на острие, размахнулся и послал голову прямо в стену палисада. Аж загудело.

– Я уже пять раз тебя убил! – орал, разъяренный до предела. – Перестань ЖИТЬ! Что это, вообще, за дурость! Что за придурковатый мир! Только Бабы-яги на метле не хватает! Что, волшебный котелок прискачет и поклонится мне?!

Тварь будто послушалась: тихо зашипела и сделалась недвижима.

– Ага! – сказал Драккайнен. – И тихо мне лежать!

Его достало это место, он был разъярен, измучен и голоден. Ругаясь себе под нос, пересек широким шагом двор и вошел в дом. Через минуту вышел, неся старое потрепанное одеяло. Бросил его на землю и пинком закатил на него отрубленную лапу, после замотал в толстый тюк. Внутри материи что-то начало шевелиться, и Нитй'сефни, грязно ругаясь по-фински, несколько раз грохнул свертком в землю.

Потом собрал оставшиеся на дворе останки членов экспедиции и занес внутрь дома. Положил все, что нашел, на столе напротив статуи Халлеринга и минуту стоял со склоненной головой, немо двигая губами. Еще раз обыскал дом и наконец вышел с небольшой пластиковой канистрой, обливая стены и провалившуюся крышу. Затем присел на безопасном расстоянии и достал из мешочка на поясе кресало.

«Вы должны выяснить, что произошло, – сказал Лодовец. – А если понадобится – разгрести весь тот свинарник».

Дюваль все время монотонно стучал веткой.

Драккайнен встал, пнул колодец и пошел за топором.

Когда он спускался с холма, пламя вставало над палисадом и сыпало искрами в ночное небо.

Меня будит дождь. Отвратительное свинцовое утро среди тумана и мерзкой мороси. У меня все болит. Уже и не знаю, из-за вчерашней драки или после ночи, проведенной на толстой раздвоенной ветке. Холодно.

Развязываю веревку, которая удерживает меня на стволе, и спускаюсь на землю, завернутый в шерстяной плащ.

Чего я только не наслушался об этом плаще! Что натуральная шерсть греет, даже будучи мокрой. Что от дождя волокна сжимаются, и плащ становится водонепроницаем.

Может, оно и так.

Только вот к тому моменту он уже промокает насквозь. Как и человек, который его носит.

У меня болит ахиллесово сухожилие, все мышцы, царапины на предплечье и обожженная спина. Я мокрый, замерзший и озлобленно-голодный.

Этот, подошедший, отзывается, как раз когда я стою среди папоротников, облегчая мочевой пузырь.

Он сидит на краю леса в деревянной одноосной тележке, запряженной крупной животинкой – чем-то средним между ослом и окапи.

– Это был прекрасный бой, – говорит он. – Быть может, достойный песни.

– Какой бой? – спрашиваю я.

Он худой, в плаще с капюшоном и держит в руке ломоть солонины, от которого отрезает небольшие кусочки кривым ножом.

Я спокойно шнурую штаны. Справлюсь в случае чего. Справлюсь, прежде чем он соскочит с козел или потянется за чем-нибудь опасным.

Я игнорирую его. Здесь подкрасться к спящему человеку – поступок некультурный и опасный. По сути, он меня оскорбил.

По крайней мере, насколько я себе представляю.

Знать не знаю, как он высмотрел меня в густой листве, среди ветвей. Потому я и сердит – но исключительно на себя самого.

Собираю подходящие ветки для костра. Есть здесь парочка растений, сухостой из которых загорится и под дождем. Человек продолжает жевать свою солонину, с интересом поглядывая на меня безумными, исполненными тьмы глазами. Пожалуй, он стар. Непросто оценить. Здесь и сорокалетний – уже старик. Худое лицо испещрено морщинами и кажется измученным.

Кресало выстреливает пучками искр. Я раздуваю жар на кусочке коры, на кучке трухи и иголок, пока не появляется пламя.

Когда грею ладони у потрескивающего огня, что жрет сухие прутья, думаю о кофе. Эспрессо из крохотной чашки с капелькой крема поверху. Этот, на телеге, все сидит и закидывает с кончика ножа кусочки мяса в рот.

– Присядь к огню, – говорю я.

– Я мог бы тебя убить, – отвечает он с полным ртом.

– Но не убил.

– Это ловко – так спать на дереве.

– Как видно, недостаточно ловко. Так и будешь кричать с тележки?

– Предпочитаю смотреть на мир с козел. Выше. Лучше видно.

Я вытаскиваю из укрытия свои вещи. Тюки, сумы, наконец – седло, на котором и сажусь у огня. Хоть для чего-то пригождается. Нахожу твердые полоски соленого сушеного мяса, завернутые в пергамент. Приготовлю их в кипятке. Раз нет кофе, по крайней мере, выпью подобие бульона. Хоть что-то горячее для желудка.

– Кто там жил? – Я машу рукою в сторону холма, на котором чернеет выжженный обрубок станции. Палисад частично уцелел, но оттуда еще поднимается столп черного дыма.

Он пожимает плечами:

– Никто. Всякий знает, что это проклятое место. Урочище. Таких много. Только глупец входит в такие места.

– Я кое-кого ищу. Я чужой в здешних краях. Ищу таких, кто был бы чужим, как я, – и кто потерялся.

– Меня тоже долгонько не было. Поход.

Он использует слово «хансинг». Поход, а точнее – морской грабительский набег. Дословно «дорога за счастьем».

Вытягивает руку с ножом, указывая на лес по другую сторону поляны, где звенит ручей:

– Там дорога. Ведет к первому дворищу. Обитает там Грисма Безумный Крик.

– Знает что-то о моих родственниках?

– Нет. А может – да. Но отсюда сумеешь выйти только в ту сторону. Грисма Безумный Крик, с осени окруживший себя шипастым частоколом, сидит в доме предков и вместе с горсточкой людей трясется от страха перед тем, что выходит из леса. Он – первый, кто обитает за Пустошами Тревоги. Ступай и вручи ему подарок. Отдай ему свою добычу.

– Какую добычу?

Мужчина указывает на сверток, лежащий поодаль. Тюк из старого пледа, пропитавшийся кровью. Тюк, который все еще немного шевелится.

– Порой он посылает в лес кого-нибудь чужого. Слишком молодого, чтобы бояться, и слишком глупого, чтобы отказаться, – желая освободить его от очередных призраков. От детей холодного тумана. Пробужденных. Но они никогда не перестанут приходить. Это дурные времена. Война богов. Раньше было по-другому. Так вот: отдай ему это на память. Пусть повесит на частоколе и кричит своим людям, что он – великий стирсман.

У меня уже есть немного углей, могу поставить на них кружку с водой и наломанной мясной полоской.

– Не знаю, о чем ты говоришь. Я думал, это жаба.

Тот смеется с одобрением.

– Я – Воронова Тень. Продаю магические вещи. Хочешь кинжал, что прокликает владельца? Камень, что возвращает? Есть у меня камни дороги, амулеты черного сна, перья птицы грома. Есть у меня все.

– Мне нужен конь.

– Я не торгую лошадьми. Торгую вещами, которые делают.

– Есть у тебя что-нибудь, умеющее превратить человека в камень?

– Время? Есть у меня много времени.

– А где я могу купить коня?

– Там, где кто-нибудь его продает. Наверное, я тебя еще увижу. Отыщи дорогу.

«Отыщи дорогу» – слова прощания. По крайней мере согласно «Культуре и онтологии Побережья» Рековица.

– Называют меня Нити́’сефни, – кричу я ему вслед.

– Это заметно. Но для меня ты – Спящий На Дереве, – откликается он через плечо и съезжает на своей поскрипывающей тележке в котловину, давя колесами белые цветки папоротника.

Я остаюсь в одиночестве. Дождь монотонно шумит в листве, костерок мой неохотно шипит под каплями, падающими с веток. Где-то высоко в небе слышен клекот хищной птицы.

Я пью жиденький бульон и начинаю составлять план действий. Тщеславное и непростое занятие, поскольку на самом деле я не представляю, что делать дальше. Пойду этой тропкой. Куда бы ни отправились несчастные исследователи, они наверняка не перли напрямик через лес, потому – пойду и я. Увидим, что нам расскажет некто, кого называют Грисма Безумный Крик.

Мне нужен конь. Денег у меня достаточно, даже не считая того, что я припрятал на станции. У меня есть пояс, набитый ровно уложенными стопками золотых и серебряных монет; он висит у меня на бедрах, как сытый удав. Мне нужна только лавка с лошадьми.

И я должен узнать, что случилось. Это даже поважнее, чем найти потерявшихся.

* * *

Тот вечер в столовой в Даркмуре. Торжества. В камине пылает огонь, мы сидим вдоль длинного стола в сиянии свечей, среди серебра, жареных куропаток, картофеля с жарким и, конечно, отвратительного *yorkshire pudding*. Лодовец промокает губы салфеткой и повелительным жестом ладони приказывает налить нам вина.

– Условия миссии изменены. Полетит один, – говорит он наконец. – Отряд остается, подготовка продолжается, ждем развития событий. Политика, – добавляет поясняющим тоном.

Мы каменеет, сидя за столом, поглядывая то друг на друга, то на Лодовца. Он делает глоток шерри и поворачивается к одному из стюардов, который подает ему поднос с запечатанным красным сургучом конвертом и лежащим рядом серебряным ножичком. За год мы привыкли к помпезности, обрядам и чудаковатой, не то псевдосредневековой, не то масонской атмосфере. К смокингам и вечерним платьям, которые внезапно заменяют привычные шмотки. Это уже никого не смешит.

Все обращаются к усвоенным здесь умениям. Когда Лодовец с помощью острия ломает печать, Кауфман докладывает себе еды, я верчу в пальцах серебряный бокал и нюхаю шерри, Каваллино ковыряется в зубах, а Дейдрре ошипывает виноградную гроздь. Все кажутся расслабленными и свободными.

– Господин Корвино, благодарим за сотрудничество. Господин Корвино, боцман Гардинг поможет вам собрать вещи. Внизу, в холле, ждет водитель. Напоминаю, что вы обязаны хранить наивысшую степень секретности. Прошу забыть обо всем, что вы здесь слышали и видели, кроме одного. Того, что о вас не забудем мы. Спасибо – и до свидания.

В глубокой тишине слышны отдающиеся эхом под куполом шаги Рене. Когда огромные двери с гулом захлопываются, никто не произносит ни слова.

– Господа Кауфман, Нильфссон и госпожа Декруа – дублиеры. Пока. Госпожа Маллиган, господин Каваллино, господин Роговский, господин Когоутек и господин Дартлоу – резервная группа.

Тишина.

– Летит господин Драккайнен.

Доля секунды, когда все расслабляются. Как на наш манер, конечно. Нильфссон с облегчением вытягивается и отпивает вина. Дартлоу сжимает зубы: видно, как у него играют желваки. Декруа застали врасплох: у нее такое выражение лица, будто в нее попала молния. Дейрдре на мгновение кажется валькирией. Сжатые губы, выставленный подбородок, в глазах – алмазный блеск. Я ничего не ощущаю. Ничего, кроме запаха *yorkshire pudding*.

Даже Когоутек на секунду перестает есть.

– Госпожина Драккайнена я попрошу пройти со мной. Остальные могут продолжать ужин в свободной атмосфере. Приятного аппетита, спасибо и доброй ночи. Прошу думать о хорошем. Миссия будет продолжена.

– Вы догадываетесь почему? – спрашивает он любознательно, уже сидя за своим столом и набивая трубку.

– Нет, командор.

– Вы самый старший. Вы еще помните мир, в котором мы были единственной жизнью во Вселенной. Вы помните времена, когда не существовало сверхгравитационного двигателя, а астронавтика была лишь экспериментом наудачу. Это еще в вашей памяти. Вы – дитя старого мира и родились убежденным, что существует лишь то, что на Земле, что мы – единственный разумный вид в космосе, а скорость света нельзя преодолеть. Мне кажется, вы лучше других приспособитесь к тамошним людям и к их ментальности, поскольку они думают точно так же – с поправкой на условности своего мира. К тому же ваша мать была полячкой, отец – финном, а воспитывались вы в Хорватии. Культурный шок для вас – повседневность. Кроме того, вы один из немногих превратили собственную независимость в религию. Вы не верите в государство, предписания и разумность коллектива. Вы – одиночка. Вы верите в свое моральное право и разум. Должна была лететь группа – тогда вы остались бы на Земле. Но нам нужно выбрать одного. Одного человека. Полагаю, вы выживете. По крайней мере шансы на это велики.

А теперь я скажу вам кое-что, о чем кроме меня знают лишь шестеро. Это даже не высшая степень секретности. Если вы хоть слово кому-нибудь скажете, хотя бы лейтенанту Маллиган, – погибнете оба. Я прошу прощения за тон, но это необходимо. Известно, что вы должны найти исследовательскую группу или установить, что произошло с ее участниками, эвакуировать, кого сможете, и ликвидировать следы, исправить возможный вред – если дошло до неавторизованных контактов с ксеноцивилизацией. Но об этом вы и сами прекрасно знаете. Зато вы не знаете, что получили официальное согласие на использование любых средств в соответствии с ситуацией. Вы понимаете, что это значит?

Я делаю глоток виски:

– Лицензия на убийство...

– Верно. Если придется убивать – вы имеете на это право. Я беру на себя полную ответственность. Есть и второе дело. Там мы столкнулись с явлением, суть которого не можем нормально описать и тем более – объяснить. Нечто, что может оказаться невероятно опасным или обладать наивысшим значением.

Я делаю глоток виски.

– Там действует магия, – говорит наконец Лодовец, будто смущаясь и в растерянности. – По крайней мере так это выглядит в рапортах, с которыми вы ознакомитесь. Вернитесь оттуда живым и расскажите мне, что мы пали жертвой иллюзии, шарлатанства или побочных

эффектов неизвестного физического феномена. Я надеюсь, что именно так и будет. Или вернитесь и сообщите, что Вселенная перевернулась вверх ногами, и через минуту наш мир превратится в ад.

* * *

Тропинка узкая, каменистая, поросшая травой. Она ведет вниз. Рядом звенит ручей. Я иду. Чувствую себя туристом. Меня мучает одна мысль, что, куда бы я ни отправился, там меня не ждет убежище, ванна с горячей водой и чистая постель.

Я думаю о Дювале, вросшем в дерево. О Дювале, которого я обрек на медленное умирание в срубленном стволе. Сколько это будет продолжаться? Пока дерево не превратится в труху? Кто знает, сколько умирает дерево?

Глава 2

Двор безумного крика

*Случалось, я рано
в гости являлся
иль поздно порою:
там выпили пиво,
а там не варили —
кто не мил, тот некстати.*

Речи Высокого

Тракт виден плохо. Собственно, это поросшая травой тропа, но я знаю, что не погибну в непроходимой чаще. Иду все время на восток, параллельно побережью, а потому должен — раньше или позже — попасть к людям. Через некоторое время начинают попадаться кострища.

Круглые черные пятна углей и пепла. Старые, но вдоль этого ручья разбивали лагерь — время от времени. Огонь разводили у самой тропы, словно путники боялись углубиться в лес. Привалы были поспешными. Я нахожу серебряный украшенный кубок, окованный рог для питья, несколько костяных пуговиц, приличный маленький топорик, всаженный в ствол поваленного дерева.

Два раза натыкаюсь на непогребенные объединенные останки. Один раз — на высохший, лежащий тут минимум полгода труп, на котором сохранились остатки одежды и грубого кожаного доспеха. Поодаль лежит подпорченный деревянный щит и проржавевший меч с многоугольной конической гардой и таким же массивным навершием. Меч с Побережья, скверной работы. Затем — еще фрагменты старого, побелевшего скелета в русле ручья.

У обоих нет голов.

Ни один не принадлежит тому, кто рожден на Земле.

Я осматриваюсь, но вижу лишь тысячи старых стволов, что тянутся в бесконечность, как ясеневая колоннада.

Плащ мой становится жестким и, пожалуй, вправду не пропускает воду, но особого значения это уже не имеет. Я мог остаться сухим только в местах, где меня укрывают лежащие внахлест части доспеха, но там я — пропотевший, и у меня все свербит.

После полудня я чувствую дым. Где-то горят костры. Через какое-то время слышу лай собак и рев скотины. По крайней мере так я это называю. Когда вижу дерево, называю его «яшень». Или «сосна». Или «пиния». Это лучше, чем «мидгардская вельвичия» или «драгомерия». Слышу хрипкое взрыкивание, завершающееся протяжным скулежом, напоминающим смех гиены, и думаю: «Собака лает». Хотя не лает, да и не собака это, а лишь существо, более всего похожее на тигра-увальня.

Я подскальзываюсь на мокрых камнях и корнях, проклиная свой скарб. Охотнее всего бросил бы все в кусты, но это глупая мысль: однажды любая из этих вещей может спасти мне жизнь.

Двор стоит на холме, перед ним виднеется излучина реки, в которую впадает мой ручей.

Предполье вырублено, все покрыто пнями некогда срубленных деревьев. С места, где стою, виден частокол, венчающий вал, ошестинившийся заостренными колыями. Над ними – запавшие крыши, покрытые обомшелым гонтом. Вокруг вала, там-сям, стоят низкие темные избы из бревен, без окон, словно присевшие под тяжелыми стрехами.

Я вижу людей. Несколько человек выбегают из леса и наперегонки гонят к форту.

Крик.

В десятке метров от меня, по щиколотку в ручье, стоит девушка с белой мокрой тряпкой в руках. Я вижу бледное испуганное лицо, широко открытые глаза, наполненные чернотой. Прядки мокрых темно-фиолетовых волос приклеились к ее лицу, длинное голубое платье, тоже мокрое, облепляет тело. Она стоит так секунду, потом издает испуганный писк и в панике бросается вверх, сверкая босыми стопами. На берегу остается лишь деревянное ведро, полное мятых тряпок.

В форте уже закрывают ворота, кто-то гонит внутрь двух перепуганно рычащих косматых коров, массивных как буйволы, с раскидистыми рогами. Крики, лай псов, а над всем этим встает протяжный голос какой-то трубы, что звучит будто рев мамонта.

А тут рады гостям.

Но живут здесь добрые люди. У тропы возведен кривой деревянный навес. Бревна, накрытые крышей. В нем только три стены, а перед входом виден круг камней и кучка влажных углей. Дальше выстроена полукруглая каменная стенка, чтобы отражать тепло внутрь. Есть и кучка топлива, заботливо прикрытая от дождя слоем веток. В центре стол, сколоченный из половинок балок, и две лавки. Что еще нужно?

Здесь не следует внезапно подходить к домам и стучать в ворота. Следует сесть и ждать, пока к тебе выйдут. А если не выйдут, есть где переночевать, разжечь костер, имеется крыша над головой. Отдохни, поешь, выспишься и ступай себе прочь. По сути, милый обычай.

Прежде всего я сбрасываю проклятущее седло на лавку и снимаю мокрое снаряжение.

Отрубленную лапу твари я оставляю снаружи. Пусть мокнет. Ей нужно стать моим откупным, чем-то вроде «я избавил вас от чудовища». Может, разужнаю, что это вообще такое.

Разжигаю костер под навесом. Это требует бенедиктинского терпения, раздувания жара, подкладывания маленьких иголок и щепок, а потом – оберегания утлых язычков пламени от ветра.

Минут через двадцать у меня – гудящий огонь, который не боится сеющегося дождя. Сажу на столе со скрещенными ногами, курю трубку с моим бесценным табаком «Вирджиния» и мечтаю о чае. Увы. Чая мне не дали. Только сейчас до меня доходит, сколько полезных вещей могло уцелеть на станции. Хотя бы – чай. Они наверняка не выпили весь чай, а я взял и сжег.

Двор на холме кажется покинутым, темным, хмурым и тихим. Я чувствую, что за мной пристально следят, но, пожалуй, радуюсь, что меня решили игнорировать.

Меняю белье и вытаскиваю из вьюков сухое исподнее. Нахожу полукожух с капюшоном и делаю ревизию припасов.

Есть у меня бульон в кубиках, помещенный в какой-то промасленный кожаный мешочек. Есть у меня немного карпатских копченых сыров, сухая колбаса, мясо в полосках, сухари, завернутые в пергамент. Стекланная баночка с медом, закрытая широкой крышкой. Немного запрессованных сухих фруктов с орехами, несколько батончиков халвы, но без упаковки; они обернуты в какие-то листья, должно быть виноградные.

Не могли дать мне сахара. Это было бы ужасно опасно. Зато могли – халву и прессованные фиги или кусок пробки. Насколько я знаю, ни миндаля, ни фиг, ни пробковых дубов здесь нет, так отчего пожалели немного чаю? Не могли завернуть это вот в чайные листья?

Также я нахожу вещи, которые провез контрабандой и которые мне положили тайком. Но ни следа кофе или чая. С радостью нахожу три плитки шоколада, немного табака, бутылку ракии, вторую – рома, обе пластиковые и плоские. Я скорее помру, чем выкину их. Что за чудесная вещь – пластик. Легкий, небьющийся и плотный. Сливовицу мне дал Левкович, а «Navy Rum» наверняка Дартлоу.

Я раскручиваю металлический контейнер и монтирую удочку. Леска сплетена из конского волоса – просто беда; хорошо хоть грузило и крючок нормальные. Могло ж им прийти в голову, например, снабдить меня костяными крючками. Но не пришло, слава Богу.

А потом я вырезаю себе палицу и действительно иду на рыбалку.

Рыбу видно. Плавает у самого дна, прячется за камнями, но ее не интересуют ни дождевые червяки, ни шарики жеваного сухаря, ни кусочки мяса. Толстая и нагулявшая жирок, она лишь действует мне на нервы. Надо попытаться соорудить острогу.

Стоило бы собрать лук, но мне неохота. Я и так хожу груженный словно мул. А разобранный он удобнее.

Готовлю воду с медом, заправленную капелькой сливовицы. Кроме того, на ужин будет шоколад, кусочек колбасы и сухарь.

Я прочел миллионы книг, действие которых происходило в сказочных мирах, пребывающих, как и мой, в псевдосредневековье. И везде можно было войти в корчму, кинуть на стол монету и крикнуть: «Корчмарь, пива!» Мне всегда хотелось так сделать.

Я разжег огонь посильнее. Хочу просушить одежду и показать, что я не из тех, кто ходит, скрываясь.

В форте небось продолжается бурный совет. Если б я мог там оказаться, голосовал бы за то, чтобы оставить странного чужака в покое хотя бы до утра.

Мне нужно отыскать следы своих сироток, но прошло столько времени, что одна ночь погоды не сделает. А мне неохота навязывать контакт. Я слегка волнуюсь – и слегка устал. Нравится мне эта халабуда. В Финляндии похожие ставят на паркингах у пляжей.

Скушаю ужин, погляжу на огонь, подумаю, выпью еще глоточек сливовицы и с наслаждением вытянусь на этом широком столе, укрывшись одеялом, с седлом под головой. Кому такое помешает?

Все время я чувствую на себе чей-то взгляд. Когда помешиваю свой странный грог, подкладываю в костер дрова или режу твердую как камень колбасу. Проницательный, изучающий.

Вижу лишь иссеченные дождем кусты, молчаливый, оцетинившийся кольями темный двор да туман. Становится холодно. Потихоньку спускаются сумерки.

Должно быть, за мной следят. Поверх палисада или сквозь какую-то бойницу. Да и на здоровье.

И тогда я замечаю ребенка.

Он появляется внезапно, словно из тумана, вьющегося у земли. Парнишка лет восьми, карикатурно худой, с надутым округлым пузом. Стоит молча, совершенно голый, под дождем и на холоде, со сложенными руками, будто скрывает что-то на груди.

Забыли о нем? Не заметили, что не успел в ворота? Может, не знают, сколько у них

детей? А теперь господин Грисма Безумный Крик делает вид, что его нет дома, а этот здесь мокнет голый на жестоком холоде.

– Не бойся, – говорю я ласково. – Хочешь что-нибудь съесть?

Он молчит. Стоит неподвижно и всматривается в меня теми безумными глазами, которые издавна и в сумерках кажутся пустыми глазницами. Внезапно он опускает левую руку и оказывается, что то, что он прижимал к худой груди, – лишь вторая рука с жутко измененной ладонью с четырьмя пальцами, но зато – длинными, сантиметров на двадцать, с множеством суставов, будто крабовая ножка.

Я смотрю в остолбенении, все еще держа в вытянутой руке кусочек шоколада. Внезапно его глаза взблескивают фосфорической зеленью, и мальчуган становится туманом, сгустком мглы, который незаметно развеивается.

Я отдергиваю руку с шоколадом и чувствую, как волосы мои встают дыбом. Гиперадреналин ударяет словно ток.

Я жду, удерживая дыхание *ибуки*, пока уровень его не спадет. И тогда снова раздаётся вой рога.

Он просто отступил чуток и исчез в тумане, думаю я, глядя, как отворяются двустворчатые врата, и из них выходят несколько человек. Осторожно сходят с холма, заслоняясь щитами странной формы, вызывающими мысли о контрабасе. Я вижу блеск наконечников копий.

Идут ко мне.

Я отставляю кружку и, ругаясь себе под нос, надеваю тяжелый полупанцирь, пристегиваю окованный пояс с мечом. Время трудиться.

Они идут. Медленно, достойным шагом, чтобы показать: совершенно меня не боятся. Но щиты подняты, копья готовы к удару. Всего восемь мужчин. Внутри идут двое без щитов и копий, но, подобно остальным, в доспехах.

Останавливаются метрах в десяти от моего лагеря и молча глядят. Один из двух, что в середине, – явно кто-то важный. Изукрашенный кафтан с нашитыми металлическими бляхами обтягивает полное тело; у мужчины окладистая седая борода и длинные волосы, под золотым обручем – тоже седые. Как знать, может, это сам шеф. Но он вовсе не издает безумных криков, а молчит и изучающе поглядывает.

Щитоносцы обмениваются негромкими замечаниями, убежденные, что я не могу их услышать.

«Видно, знатный. Доспех чужеземной работы. И меч какой... Глянь, человечьи ли глаза. Может – мара...»

Я жду.

Это они мокнут – не я. Тянусь за своей кружкой и делаю глоток горячего напитка.

– Того, кто в пути, кто на камне спит, далёко от дома. Вместо пива копьем привечают, не дадут снять шелома, – говорю я складно и делаю следующий глоток. Напряг все свое знание языка Мореходов, чтобы склеить тот стишок. Здесь такие вещи любят. Интересно, ответит ли старик в рифму?

Он расталкивает стоящих впереди и осторожно подходит, положив одну руку на навершие меча. Осматривает меня с ног до головы и заглядывает мне в глаза.

Это может означать, что землян здесь видели. Мои глаза были изменены и выглядят словно глаза здешних, полностью наполненные темными ореховыми радужками, как у коровы. Сколько раз ни глядел я на собственное отражение, оно все еще меня отвращает. Не

могу привыкнуть. К счастью, зеркала здесь – редкость. Но ученые не претерпевали никаких операций. Их глаза должны были обращать на себя внимание.

Двое из его людей медленно, с неохотой поворачивают копья остриями вниз и упирают их в землю. Это не значит, что за мной перестали следить: достаточно одного движения руки, чтобы они метнули оружие и пригвоздили меня к стене халабуды.

– Путник беспечный стоит пред двором, где в ночи смерть пляшет, пищи желал бы, огня и пива, но лишь ворон здесь кричит, – отвечает старик. – Ежели складываешь стихи, можешь потешить короля. Ступай, ежели ты человек, а не Пробужденный. Сядешь за столом.

Я собираю свои вещи и отправляюсь с ним ко двору. Воины помогают мне нести седло и вьюки. Кто-то из них берет у меня даже все еще исходящую паром кружку. Вижу, что минимум двое из них – мальчишки. Одному хорошо если тринадцать, и он с трудом несет щит, у второго слишком большой шлем с кольчужной бармицей и «очковым» наносником шатается на голове, словно котелок. Еще одному воину идет шестой десяток, и он слегка хромает на правую ногу. Если «король» выставил против меня лучших из своей армии, дела у него и вправду плохи.

Я шагаю плечом к плечу с вельможным и двумя воинами, которые несут мой скарб, остальные окружают нас аматорским, плохо поставленным строем «ежа». Не единят щит со щитом, сбиваются с шага и сталкиваются друг с другом, но продолжают тыкать во все стороны света коваными наконечниками копий; последний идет спиной вперед, будто в любой момент ждет нападения. Если вдруг что – это не слишком поможет: в «еже» полно дыр.

Я оглядываюсь, но залитая дождем, затуманенная вырубка совершенно пуста. Только где-то на краю поля зрения стоит белая, худая фигура паренька с глазами словно выжженные окна и с длинными пальцами, шевелящимися наподобие крабьих лап.

Обе створки ворот раскрываются перед нами, и мы ступаем на заболоченное дворище. Дождь лупит по лужам, худые огромные волкодавы рвутся с цепей, пахнет дымом, затхлостью и телами множества людей. Тяжелый мускусный запах пропитывает здесь все.

Главный дом мрачен, длинен и внутри напоминает ангар. В центральной части между колоннами стоит длинный стол, за которым сидят десяток-полтора людей. В воздухе висит тяжелая – хоть ножом режь – вонь. Дым стелется слоями, зал посередине почти пуст. Несколько сундуков, несколько мехов, возле выхода – стойка со щитами и копьями. И все.

Дождь сквозь дыру в крыше падает прямо в очаг, а впереди, на широком карле, сидит укутанный в меха Грисма Безумный Крик.

Он стар. Еще не одряхлел, еще можно поверить, что массивный меч, на который он опирается, – не просто украшение, но по изборожденному морщинами лицу, простреленным сединой длинным волосам и поблекшей матовой голубизне глаз виден возраст. И Грисма здесь боится. Это видно по тому, как они сидят, как изображают невидимость, избегая встречаться взглядом с прищуренными внимательными глазами. Это видно по упрямо сомкнутым устам. И только я знаю, что грозное лицо его таит страх и неуверенность. Грисма постоянно боится. За своих людей, за себя, за весь род, за свою честь. А в этот момент он боится меня.

Я на полголовы выше самого высокого из них, и это не замаскировать. К тому же мой полупанцирь предполагает мощные наплечники, как в футбольной униформе, что придает мне вид почти героический. Задумывалось это ради психологического эффекта – но и для того, чтобы они пружинили и принимали на себя часть удара.

Грисма меряет меня подозрительным взглядом и мямлит, словно пережевывая что-то. Я бью наручем о нагрудник – так, что звон эхом отражается от потолка; склоняю голову в скупом поклоне. Кто-то нервный из сидящих за столом явственно вздрагивает. За колоннадой таятся человека четыре, полагающие, что их не видно в полумраке. Я чувствую их пот, слышу скрип ремней, чую запах дегтя, которым пропитаны тетивы. Слышу, как у одного из них колотится сердце.

– Прости чужеземному бродяге, великий король, – говорю я. – Я потерялся в этой стране и не сведущ в придворных обычаях. Лишь немного – и не слишком хорошо – говорю на языке Побережья и не умею поздороваться, но даже я слышал о Грисме Безумном Крике и пожелал схорониться под твоим кровом.

Могу дать ему слишком немного – вот в чем проблема. Золота – не могу. Во-первых, он считается королем, а значит, даритель золота здесь он – иначе я его оскорблю. Во-вторых, увидь он, сколько его, просто убьет меня. А я не могу решиться отдать ему лапу твари. Позволил себя уговорить, что это чудо, но мне все больше кажется, что я зарубил лесного вредителя – и только. Что бы подумали о средневековом рыцаре, который бросил бы под ноги королю кусок змеи или голову волка и назвал бы себя драконобойцем? Безумцы есть в любой культуре.

– Подойди, гость, – приказывает Грисма. – Стань так, чтобы старый человек мог тебя увидеть.

Я подступаю на пару шагов и становлюсь в месте, освещенном колеблющимся огоньком масляных светильников, коптящих рыбьим жиром. Пол там тщательно подметен и на кривых досках углем начертан круг, оплетенный письменами. Я узнаю руны Побережья из алфавита Соннермана Вайгля, считающиеся святыми. В чем дело? Тест какой-то или что?

Скорее всего, стану я здесь или нет, имеет какой-то смысл. Все склоняются в ожидании, сидят напряженные, в странных позах, будто готовы в любой момент повскакивать с лавок. Они надеются, что я какой-то там призрак, но я, увы, не ведаю, что делают привидения. Как человеку – нужно мне бояться тех зигзагов или совсем напротив? Я готов поспорить, что это охранный круг заклятий, а значит, демон должен его сторониться. К сожалению, это лишь теория. В стороне, в нише, сидит одетая в черное баба. Капюшон или платок закрывает ее лицо. Сидит она совершенно неподвижно и не сводит с меня внимательного подозрительного взгляда. Даже мне она едва видна, но не заметить ее невозможно, поскольку ужасно смердит.

– У того, кто странствовал, – в горле сушь, – говорит Грисма. – Выпей со мной, гость.

Подает мне рог, наполненный чем-то мутным, пахнущим дрожжами и ферментированным зерном. Вареное домашнее пиво. Он смотрит с неизбынным вниманием, выпью ли. Мужчина, который сидит ближе прочих, стискивает кулаки, еще один закусывает губу. В чем дело? Мне должно выпить или нет? Подумаем – человек, ясное дело, выпьет. Что, демоны у них непьющие?

В темноте скрипит тетива. Да ни за что ты в меня не попадешь, сынок. Не при таком освещении. Да и короткий лук не пробьет ламинат.

Я выливаю немного пива внутрь ладони и прижимаю руку к земле.

– Что бы я ни пил – пью в твою честь, Хинд, – провозглашаю.

Встаю и поднимаю рог к губам. Смотрят так внимательно, словно это наиважнейшее в мире дело. И только тогда я понимаю.

Что-то добавили в пиво. Что-то, чего боятся демоны, вроде святой воды, и это оптимистическая версия. А возможно – что-то ядовитое, чего человек не заметит, и тогда все

хуже. Чертова логика Божьего суда. Я сдам тест, когда упаду мертвым, – словно проба водой. Баба тонет – была невиновной, баба всплывает – ведьма. Начни я капризничать – я демон. Надеюсь, что они не попытаются меня отравить сразу, пью. Здесь все же не знают моментальных токсинов, потому, если что-то пойдет не так, я мигом все выблюю.

Пью одним махом, до дна, изгвазданного остатками зерна и дрожжей. Пиво густовато и омерзительно. В нем столько побочных продуктов, что трудно разобрать, что должно быть той таинственной добавкой. Следы каких-то неприятных растительных дубильных веществ – наверняка от ошибок в приготовлении. Какой-то рукосуй не выбрал сорняки из зерна. К счастью, я не чувствую метила, зато есть нечто странное, что не удастся различить. Металлический медный привкус.

Рыжий с торца стола бледен как стена, а на его губах – едва скрываемое выражение крайнего отвращения. Наплевали мне в пиво, или что?

Пью.

Худошавая, богато наряженная женщина, что сидит подле короля, краснеет словно маков цвет и осматривается по стенам.

Кто-то из несостоявшихся убийц, скрытых за колоннами, выбегает на двор, и я слышу, как он блюет там. Да что с вами?

Это какие-то геммовые группы – кровь. Накапали мне туда крови. Чуть-чуть, но ощущается. Человек бы не почувствовал, потому я спокойно допиваю. Остается некий отчетливый след. Чужой и неприятный. Какие-то кислоты – молочные? Отвратительно.

Это месячные крови. Охренительно смешно.

Ладно. «Котики» не плачут.

Я лучисто улыбаюсь и с грохотом ставлю перевернутый рог на стол прямо перед рыжим джентльменом, который непроизвольно отшатывается. Куда охотнее я метнул бы это в лоб той бабе, что сидит в нише. Голову дам на отсечение – ее идея.

Король выглядит так, словно проглотил жабу. Он в ярости. Но, пожалуй, не из-за меня. Выстреливает испепеляющим взглядом в сторону невидимой старушенции.

– Садись к столу, гость, – говорит.

Я сажусь. Сосед отодвигается и судорожно вручает мне еще один рог пива. На его лице читается смесь облегчения, отвращения и сочувствия. Беру у него рог неспешно и без нервов.

– Ты говоришь, что чужеземец, но поклоняешься нашему Хинду, как человек набожный, – говорит Грисма с подозрением и озабоченно.

– Мои боги далеко, – отвечаю я и внезапно понимаю его озабоченность. Он подсунул мне спаскуженное пиво, а я его посвятил богу воинов, оружного братства, гнева, бури и чести. Сделал это искренне, а потому проблемы – как у оскорбившего бога – теперь у него. Вижу, что я подставил его в полный рост, – и настроение у меня улучшается.

Королева глядит на меня странно. Это был подарочек от вас, ваше величество?

Я делаю очередной глоток пива. Оно чуть получше, но ненамного.

Передо мной ставят погнутую металлическую тарелку, подсовывают деревянную миску, полную дымящихся кусков вареного мяса. Оно чуток с душиком: сварено в последний момент. Еще не испорчено, но уже почти.

Возвращается гомон разговоров, кто-то, сидящий в нише, начинает играть на флейте.

Я прошел тщательное обучение. Мой аппетит не испортят ни тухловатый привкус жестковатого мяса, ни мутное пиво, ни черные полумесяцы под ногтями мужчины, что сидит напротив, ни жирная подливка, склеивающая редкую бороденку следующего воина. Его лицо

сильно обезображено: почти нет нижней челюсти и до самой скулы тянется рваный шрам, наверняка от топора.

Я бы съел приличную *pleskaviçe*.

С сыром.

– Ты безумен, если в одиночестве путешествуешь по Пустошам Тревоги, пришелец.

– Я здесь чужак и не знаю, что такое Пустоши Тревоги. Ищу нескольких своих и иду миром, не спрашивая, как другие зовут леса и холмы, по которым я прохожу.

– Как тебя звать?

– Согласно вашему языку звучало бы как Ульф Нитй'сефни, – отвечаю. У них имена не всегда имеют значение, они – родовые. А вот прозвища индивидуальны и возникают наподобие индейских имен. Я хотел сохранить собственное имя – Вук, что на хорватском означает «волк», но, увы, «вук» на одном из здешних наречий – «птичий помет». Мне перевели имя на норвежский: Ульф – это то же самое и, к счастью, на языке Побережья не значит ничего, а звучит получше, чем «гуано».

– В молодости я вдоволь попутешествовал, – говорит Грисма. – Может, был и в твоей земле, пришелец. Как она зовется?

Я усмехаюсь.

– Моя земля – Хорватия, – говорю нагло и вижу, как вытягивается у него лицо. – Она так далеко, что над нею светят другие звезды.

– А бывал ли ты в стране, которую мы зовем Амистрандом?

Амитрай. Их ненавистный враг. Я сплевываю на землю и поднимаю кулак, бормоча имя Хинда. Они смотрят с удовлетворением – отреагировал я верно. Что, за дурака меня держат? Ведь будь я амитрайский шпион, поступил бы точно так же.

– Я видел ее, – отвечаю коротко. – И не хочу увидеть снова.

Не знаю отчего, но, когда я путешествую по чужим странам, по возвращении люди, прежде всего, спрашивают: «Что ты там ел?» Я и сам обычно об этом спрашиваю. Все так, словно кулинарные отличия больше других говорят о чужой культуре. Впрочем, может, так оно и есть.

Главным образом, серое вареное мясо, чуть отдающее тухлятиной и странными приправами, должными забивать вонь. Какие-то трубчатые грибы, может древесные, засоленные, скрипящие на зубах, словно резина. Немного маринованных овощей странной формы, цветов и вкусов, отдающих погребом. Соленая и сушеная плоская рыба. Мутное дрожжевое пиво. Корневища, схожие на вкус с чесноком и одновременно с луком-пореем, а выглядящие как аир. Загрызаю всем этим очередные истекающие жиром и водянистым рассолом куски. Полупропеченные коржики с отрубями, скрипящие на зубах от плохой прожарки. Лишь немногие могли бы похвастаться металлическими или базальтовыми жерновами, что мелют все в муку, но Грисма Безумный Крик, похоже, к ним не принадлежит.

В пиве – шесть процентов. При таком темпе питья за час-другой большинство за этим столом окажутся пьяными.

Они непрерывно спрашивают о новостях из внешнего мира. Я выкручиваюсь, несу какую-то чушь. Хочу сойти за человека, который из дома напрямик попал на их берега и ничего не знает о новостях. Говорю, что мой корабль потонул и спасся только я. Слышу, что спрашивают меня с беспокойством. Происходит что-то дурное. Знают, что нечто близится. Дело идет к войне? Их страна лежит в стороне. Остальной континент – далеко на западе, отрезанный пустыней и высокой горной цепью. Места почти безлюдные. На море

нужно одолеть лабиринт опасных скалистых островков, проливов и шхер, которыми горы уходят в море. Ни один флот вторжения не пройдет. А никто в здравом уме не станет гнать армию сквозь пустыню и гору в этот медвежий угол. Зачем? Ради их окованных медью ведер? Щербатых секир?

Они спрашивают, не видывал ли я странствующих монахов в красных плащах и с лицами из серебра.

Я не видел.

А не видел ли я сумасшедших черных всадников с татуированными лицами, облаченных в черное железо и на железных лошадях? Говорят, что они появляются все ближе.

Я не видел никого подобного.

А видел ли я Пробужденных?

Не знаю, кто такие эти Пробужденные. Я здесь чужак, а в моих краях о таком никто не слышал.

– Война богов идет всюду, – бормочет Горелый Гнев, рыжий короткостриженный воин, сидящий напротив, рядом с тем, порубленным топором, с именем Дубовое Лицо. – Наверняка у себя вы зовете их по-другому. Дети холодного тумана.

Я отрицательно качаю головою.

Хотят знать, не видывал ли я чего-то странного во время пути через их лес.

– Я не уверен. Видел что-то странное, что на меня напало. Убил его, – говорю. – Но это, возможно, просто зверь.

Я иду к своим вещам, сложенным под стеной в аккуратную кучку, и вынимаю сверток. Они глядят на меня ошеломленно, когда разрезаю шнур и разворачиваю одеяло. Отрубленная лапа с грохотом падает на деревянный пол между святыми знаками. Пальцы ее все еще слегка шевелятся.

Крик. Они вскакивают на ноги, женщины и дети пищат, кто-то выкрикивает имя Хинда, кто-то ругается и издает полный энтузиазма боевой рык, кто-то подскакивает и пинает лапу, после чего трусливо прячется в толпе. Они озверели.

Я стою посреди этого гама и медленно, тщательно заворачиваю одеяло. Оно провоняло падалью и – слегка – чем-то вроде рыбы. Нужно будет его постирать.

Одни в ярости, другие испуганы. Королева бледна как простыня и кусает ладонь. Черные коровьи глаза стекленеют от слез.

Шок, или как?

Король требует копьё. Ему подают со стойки короткое массивное древко. Расступаются. Грисма топчет лапу вышитым кожаным сапогом и, сопя, всаживает в нее кованное узкое острие. Медленно и методично. Кожа твари скользкая, твердая и эластичная, а треугольное острие недостаточно острое. Кожа уступает неохотно. Наконец Безумный Крик добивается своего и поднимает конечность, надетую на копьё, – та все еще шевелит пальцами, напоминая сдыхающего кальмара.

– Воткните это над воротами. Пусть все Пробужденные увидят, что их ждет. А вы смотрите, что такое мужество. Ибо нынче пришел сюда чужой муж. Он в одиночку одолел Пустошь Тревоги и дает нам мертвого Пробужденного. А вы?

Они боятся даже взять у него копьё. Некоторое время нет желающих. Наконец вперед шагает длиноволосый юноша с фиолетовыми космами и непроницаемым лицом. Кажется, он в ярости. Когда закрываются за ним окованные створки зала, слышны крики на дворе.

Понятия не имею, обрадовал ли я их, но наверняка произвел впечатление.

– Почему ты не взял голову? – спрашивает меня Грисма.

– Была тяжелой, – отвечаю я коротко. – И, кроме того, кусалась.

Он фыркает смехом и глядит на меня с подозрением:

– Как ты убил Пробужденного?

– Зарубил.

– Они умеют убивать взглядом и быть в трех местах одновременно, – кричит кто-то. –

Ни один человек не может убить призрака! Железо не причиняет им вреда!

– Причиняет, – говорю я успокаивающе. – Только нужно быстро двигаться.

Они возвращаются за столы, стараясь не наступать на то место, где ранее лежал мой трофей.

Я гляжу, как они жадно пьют; пиво стекает по бородам, впитывается в волосы. Со стуком отставляют на стол кубки и требуют еще кувшины. Некоторые поглядывают на меня с удивлением, другие – с суеверным испугом, а кое-кто – с отвращением.

Королева все еще бледна как бумага, ее подбородок дрожит, но красиво очерченный рот стискивается в упрямой и яростной гримасе. Зато Грисма поглядывает на меня с надеждой. Так мне кажется.

Я не умею различать эмоции. Все из-за этих странных звериных глаз. Глаза медведей, глаза коров, белок, собак. Глаза зайцев. Полностью заполненные голубизной, бурым, чернотой или синевой.

Возвращается молодой. Должно быть, он кто-то значимый. Наследник трона? Садится у стола и, потянувшись за пивом, достаивает меня тяжелым взглядом. Не любит меня. Посчитал своим соперником? Отобрал у него первенство?

Смотрю, как у него стискиваются челюсти, как непроизвольно раздувает он ноздри.

Я активирую цифрал. Просто так, на всякий случай.

* * *

Сделав еще глоток из слегка попахивающего буйволового рога, Драккайнен решил, что это можно пить. Не напоминало «Карловацкое», что уж там. Он протянул руку к деревянной тарелке и какое-то время шевелил указательным пальцем, двигая его от одного куска мяса к другому, пока не сделал выбор. Цапнул что-то, что решил называть огурцом.

Пир продолжался, и ничто не указывало на то, что воины собирались ложиться почивать. У кого-то закрывались глаза, некоторые подремывали над мисками, но пытались хранить сознание. Едва кто-то начинал клониться над столом, сосед, явно обеспокоенный, будил его толчком. Засыпающий тоже казался напуганным.

Уже какое-то время как его оставили в покое, и Драккайнен развлекался, наблюдая. Безумный Крик то и дело вперял в него пристальный взор и сидел, насупившись, потягивая пиво маленькими глотками. Насколько можно было судить, он что-то замышлял. Его жена хмурилась над пустой тарелкой и исподлобья глядела на товарищество за столом. Выглядела она куда младше Грисмы: оценить было непросто, но казалось, что ей нет и тридцати. Приняв во внимание, что замуж она наверняка вышла около четырнадцати, запросто могла быть матерью и надувшегося юноши с длинными волосами, и восьмилетнего ребятенка, сидящего подле нее. Оба были одеты богаче прочих: их кафтаны сшили из цветной ткани, на манжетах и по вороту украсили сложной вышивкой. У поясов висели металлические бляхи и

чеканные ножи. На шею они носили золотые амулеты. Отчего же они такие хмурые? Королева могла быть разочарована жизнью в этой пустоши. А может, ее достала таинственная угроза, от которой все трясись? Или дело в Драккайнене? Несколько раз он перехватывал долгий оценивающий взгляд, слишком навязчивый, чтобы оказаться случайно брошенным, и решил, что это древнее как мир явление. Бедная амбициозная девушка, плененная в провинции старым и более богатым мужем, – и таинственный пришелец. «Убежим вместе». Мелодраматично, но возможно. Молодой человек, в свою очередь, предположительно завидовал славе, какую Страннику дала принесенная лапа чудовища. Бедный сопляк, он понятия не имел, что без цифрала Вуко не имел бы ни малейшего шанса – как любой другой человек. Тварь слишком быстрая и умелая. Если таких зверьков тут много, обитатели двора Безумного Крика и вправду столкнулись с проблемой.

Размышлял он от скуки. Делал то, от чего его предостерегали.

«Мы не знаем этой культуры», – говорили они. Остерегали от ошибочных подобий и мышления привычными категориями. «Ты увидишь всякие вещи, но не поймешь их значения. Некоторые покажутся тебе дурными. Ты увидишь детей, пьющих алкоголь, насилие в семье, убийства, интриги, жестокость, кровосмешение и каннибализм. Не обращай внимания. Не твое дело. Это происходит по ту сторону космоса. Ты должен найти и вытянуть оттуда несколько человек. Остальное пусть идет как идет».

Баба, укрытая в нише, не двигалась какое-то время и, должно быть, уснула. Нет. Кто-то подошел к ней, невидимый для остальных в глубокой тени колоннады, и склонился к ее уху. Драккайнен напряг слух.

«Солнце наверняка уже зашло... Тьма густеет».

«Идет ли холодный туман?» – прошептала в ответ старуха.

«Пока нет».

«Ты принес?»

«Я боюсь прикасаться к его вещам, достойная».

«Глупец! Он выпил кровь и ничего не заметил! Он слаб. Должен нас покинуть».

«Наведет на нас Пробужденных».

Вот я тебе, к моим вещам лезть! – забеспокоился Драккайнен. Одетый в черное информатор отошел от бабы, но не приблизился к его скарбу – просто вышел из зала.

Старуха что-то замышляет, замышляет и Грисма, королева – тоже, молодой зыркает так, словно я у него козу выдоил... Что за компания!

– Когда началась эта «война богов»? – спросил он у Горелого Гнева.

Тот посмотрел на него словно на идиота.

– Кто может знать дела богов? Для нас важно, что Пробужденные начали выходить из урочищ. Некогда раньше о Пустошах Тревоги говорили разное, но по ним можно было ходить. Охотились мы на оленей, распахивали поля. Были мы теми, кому неведом страх, потому что умели здесь жить. Знали мы, где урочища и как их миновать. Умели мы ходить через топи и скалы. Летом спускали на воду ладьи и плавали до самого моря, а потом искали счастья в дальних странах. Уже много лет не плаваем. Вся наша земля стала урочищем. Сядь мы в ладью, возвратись – нашли бы лишь пепелище и Пробужденных. Кто войдет в лес – уже не возвращается. Под плуг и мотыгу идут лишь те поля, что видны со стен. Дорогами никто не ходит. Нет путников, купцов или поющих. Дорога начинает зарастать. Говорят, это холодный туман и пуца, но я думаю, что так нынче повсюду.

– А что такое «холодный туман»?

Во время сбора информации важно, чтобы собеседник говорил о том, что интересно ему. Большинство людей жаждет говорить лишь о себе. Поэтому, когда нужно добыть информацию, полезно сделаться благодарным слушателем. Не пытаться говорить самому, а слушать и расспрашивать о подробностях. Горелый Гнев наклонился в его сторону и принялся шептать:

– Сперва становится холодно. Даже в солнечный день. Потом свет делается странным, и появляется туман. Иной чем обычно. Густой и холодный. Делается тихо. Даже птицы не поют. А потом приходят Пробужденные. Иной раз это умершие. Иной – чудовища. Мой свояк на моих глазах постарел и умер. А то, что умерло, продолжало двигаться. Я приколот его копьем к земле и сбежал. Когда приходит холодный туман, самое худшее, что есть у человека в голове, встает перед ним, как живое. Моя жена боялась воды. Не научилась плавать, не подходила к ручью, даже колодца опасалась. Говорила, что часто снится ей, будто она тонет. Туман настиг ее на поле у леса. Говорили, что металась, как безумная, будто напали на нее осы. А потом – начала рыгать водой. Целые ведра воды из нее выходили, пока она не потопла. В воде, которую имела внутри. На сухом, словно камень, поле.

– Отчего вы не уйдете отсюда?

– Мы – люди Грисма. Племя Безумного Крика. Не уйдем. Хотим сражаться. Это наша земля. Нам некуда уходить. Старуха говорит, что придет день, когда Пробужденные перестанут к нам приходить. Что они куда-то идут, а наш двор просто стоит у них на пути. Но однажды уйдут все – и заберут туман с собой. Из него они берут силы.

Это могут быть вулканические испарения, подумал Драккайнен. Токсические и вызывающие галлюцинации. Или подводные запасы какого-то газа, как в озере Танганьика.

– Теперь, когда ты с нами, мы справимся, – внезапно заявил Горелый Гнев. Драккайнен остолбенел. – Ты умеешь убивать Пробужденных. Научишь нас, и мы пойдем сражаться. Отгоним их, – туповатое лицо начало лучиться от энтузиазма. Горелый Гнев в своей запальчивости выглядел почти симпатичным. – Пуща снова услышит Безумного Крика. Мы вернемся на свою землю.

Это может оказаться, например, спорыш или что-то такое в зерне, подумал Драккайнен.

– Никто не ходит дорогой? Я был первым? Насколько давно?

– Порой случается так, что путник оказывается Пробужденным. Выглядит как человек, а потом становится поздно.

Драккайнен потянулся за кувшином и налил Горелому Гневу пива. От души.

– Станным человеком может оказаться чужеземец или попросту безумец. Я одного повстречал на дороге. Звался Вороновой Тенью. И это необязательно Пробужденный. Не приходил сюда никто странный? Года два назад?

Горелый Гнев некоторое время пил, затем отставил рог, снабженный посеребренными ножками, и вытер рукавом лицо.

– Теперь, что ни возьми – все странно, – ответил он неуверенно. – Война богов... Дурное время...

– *Dobrodoszli*. Мы пошли по кругу, – проворчал Драккайнен и сделал глоток из своего рога. Решил рискнуть и все поставить на одну карту.

– Я кое-кого ищу. Четырех людей. Чужеземцев издалека. Трое мужчин и женщина. Это не Пробужденные, но могут оказаться опасными. И – они странные. Не говорят на вашем языке, и у них слепые белые глаза.

Горелый Гнев приподнял голову над столом и сверлил Странника черным неподвижным

взглядом, как у змеи.

– Один был. Прежде чем все рухнуло. С рыбьими глазами. Должен бы оказаться слеп, но видел. И говорил поганым языком, как умственно отсталый. Нос у него был странный. И черные волосы, длинные такие, зачесанные назад. И белое, словно воск, лицо. И высокий, как не человек. Еще выше тебя. Но это был Песенник.

– Кто?

– Умел сделать так, чтобы вещи появлялись. Некогда таких было много, но теперь – уже нет. Люди говорят, они друг друга поубивали. А потом другие поубивали их. Некоторые такими рождаются, но лучше их изгонять. Говорят, они приводят холодный туман.

– Почему?

– Это те, кто украл песни богов. Те, что умеют лечить, или убивать, или деять. Разное. Один знает одно, другой – десять. Когда боги об этом узнают, насылают туман, чтобы он нашел такого. Так было и с этим. Не умел много, но хватило. Пробыл два дня и ушел. А потом пришел холодный туман и появились Пробужденные. Туман пришел за ним.

– А что он сделал? – спросил Драккайнен осторожно.

– Говорил всякое. Я видел только, как он зажег огонь молнией из руки и ел песок с водой.

Бледный, высокий, с длинными черными волосами... Ван Дикен, подумал Вуко. Ван Дикен с зажигалкой и порошковым супом. Но где остальные?

Горелый Гнев кивал над столом, а его черные змеиные глаза помутнели. Снизу даже появился узкий полумесяц белков.

– Не должно об этом говорить. Нынче ночь. Дурное время... Война богов...

Происходящее напоминало неудачную сельскую свадьбу. Несмотря на усилия, часть уже засыпали. Физиология и алкоголь начинали брать верх. Скручивались в клубок под стенами, падали лицом на стол между обгрызанными костями, лужами пива и остатками овощей. Те, кто оставался трезв и в сознании, присаживались поближе к очагу, где тлели балки, шипящие под каплями мелкого дождя. Драккайнен проследил за очередным вероятным информатором, с оторопью констатируя, что повседневность средневековья – это призрачная, всеохватная скука.

Тут нечего делать. Можно сидеть над пивом, рассказывать друг другу истории. Но и только. Кроме этого, был еще страх. Все тревожно глядели во тьму за дверью, стараясь держать под рукой оружие, даже во время сна. Нервно вздрагивали сквозь сон, как дикие звери; порой просыпались и поводили вокруг испуганными глазами, а потом засыпали снова. Скука и страх. Длинные периоды монотонности, прерываемые короткими спазмами ужаса и испуга.

Появился ван Дикен. Что он здесь делал? Куда ушел?

– Стирسمан хочет говорить с тобой, – это был толстый старик, который к нему выходил. Странник уже знал, что его зовут Нуле Спящий-на-Льду. Стоял напротив Драккайнена, склонялся над лавкой, грызя кость. Разведчик взял рог, к которому уже успел привыкнуть, и пошел за стариком, стараясь не наступить на кого-нибудь из дремлющих на лавках и под ними, пробираясь между спинами тех, кто еще пытался беседовать.

За этим – лучшим – концом стола, за которым сидел владыка, развлечения были еще хуже, чем в других местах. Мнимая королева сидела ровно, будто палку проглотила, и смотрела стеклянными глазами прямо перед собой. Молодой пренебрежительно жевал маленькие куски мяса, а мальчишка подремывал, вжавшись в мех, покрывающий плечи

матери.

Сам Грисма глядел из-под кустистых бровей и то и дело плямкал губами.

– Идет осень, – произнес он внезапно. – Куда пойдет пришелец, у которого никого нет? Ни крова, под которым спрятаться, ни огня, чтобы согреть руки, никакой еды в котелке? Останься с нами. Я дам тебе жену и дом. Их-то у меня больше, чем мужей, которые могли бы разводиться там огонь. Дам тебе золота. Стань подле меня, Странствующий Ночью, и подопри слабеющую руку старца. Вместе мы отобьемся от Пробужденных, и тогда туман уйдет.

– Никто не может встать на пути у предназначения, – ответил Драккайнен. – А мое предназначение – путь. Не могу греться у костра или жить под крышей, пока не отыщу четверку чужих со слепыми рыбьими глазами. Такова воля богов.

«Когда разговор пойдет не по-твоему, зывай к высшим силам», – советовали ему.

Безумный Крик пренебрежительно фыркнул.

– Ты сам говорил, что боги твои далеко, под другими звездами. И сомневаюсь, чтобы здесь, в землях наших богов, они могли бы возразить. Теперь, когда боги ведут войну, а мир сошел с ума, никто рассудительный не станет так поступать. Кто знает, чего они могут хотеть? Зачем тебе искать что-то, чего уже нет? Кости тех, кто здесь прошел, могут давно гнить на тропах окрест.

– Это не только дело богов, – таинственно ответил Вуко. – Те чужаки прошли по твоей стране. Мне говорили, что один был здесь. Высокий Песенник с рыбьими глазами.

– Было время, когда по дороге бродили путники. Приходили и уходили. Неизвестно откуда и неведомо куда. Теперь приходят лишь Пробужденные. Ежели не останешься с нами, однажды они перейдут через частокол. Не будет уже двора Безумного Крика. Будут лишь пепелища, кости и вороны. Останься. Останься хотя бы до весны. Научи нас, как убивать детей холодного тумана. Одного ты прирезал.

– Одного, – заметил Драккайнен. – И это отняло у меня час. Будь их больше, я бы наверняка погиб. Забери людей, скарб и уходи отсюда. Найдешь другой холм и поставишь другой двор. Зачем жить в таком месте?

– Здесь земля наших предков, – рявкнул юноша. – Перестань его умолять, отец. Тебе не нужен этот приبلуда. У тебя есть сын и есть верные воины. Племя Безумного Крика еще живо.

– Юноша, который ничего не повидал, должен молчать, когда говорят мужи, – процедил Грисма. – Этот чужак нынче принес лапу чудовища. Кто из вас сделал подобное? Может, ты?

– Пес тоже порой приносит руку с места битвы, но только глупец полагал бы, что пес выиграл битву. Покажи мне, как ты убил чудовище, пришелец. Покажи мне – и я поверю, что ты нам нужен.

– Молчи!

– Позволь мне с ним сразиться, Грисма Безумный Крик. Не заставляй меня слушать, как величайший стирсман и воитель, который некогда водил пять кораблей на конец мира, умоляет бродягу о помощи. Не говори с ним так, словно ты – один. Я убью его, и тогда ты поймешь, кто оборонит нашу землю. Или умру, и тогда пусть обороняет он.

– Молчи, глупец! Я хочу получить воина, а не потерять сына.

– Мы не станем сражаться, – успокоил его Драккайнен. – Это было бы глупо.

– Тогда тебе придется отдать мне это, – процедил юноша и поставил на стол металлический резной цилиндр размером с полулитровую консерву. Контейнер с радиоларией.

Драккайнен вздохнул. Один удар кончиком указательного пальца в точку между глазами и одновременно – второй, большим пальцем в сухожилие на запястье, чтобы он выпустил контейнер. Доля мгновения – и можно вернуться к прерванной беседе. Только вот стол широковат.

– И что, отец? Снова попросишь труса о помощи – труса, который боится снять оружие даже под кровом? Которому не хватает кольчуги, как мужу, и приходится обкладываться латами, словно черепахе? Потому что он бросил тебе кусок мяса?

Грисма молчал некоторое время.

– Да будет так. Тебе придется выкупить добычу, пришелец. Грисмальфи Дождевая Птица желает битвы. Потому – бейтесь. Покажи нам, как ты убил чудовище.

– Я не стану никого убивать, – прошипел Драккайнен. – Я уже сказал.

– Ну так не убивай его. Но, если хочешь получить эту вещь назад – бейся с ним. А тогда, быть может, тебе придется принести смерть.

Вуко скрежетал зубами, шагая к своему скарбу, сложенному под стеной. Быстро проверил скирду вещей, но, кажется, больше не пропало ничего. И все же он нарушил правило – не спускать глаз со своего имущества.

В зале поднялась суматоха. Воины радостно покрикивали, раздвигали столы, зажгли больше факелов, внесли еще несколько ламп на треногах.

Вуко снял панцирь и кольчугу как раз к моменту, когда Грисмальфи натянул свою. Оставил на себе только легкий нагрудник и вынул меч из ножен.

Свет был так себе, лампы коптели. Деревянный пол, покрытый тростником, мог оказаться слишком скользким. Драккайнен отстегнул пояс и встал посреди комнаты в высокой стойке с мечом, небрежно удерживаемым в руке. Противник комично сопел, из-под шлема был виден лишь рот с ощеренными, как у пса, зубами и напряженными желваками. Грисмальфи провел клинком по своему щиту, высекая пучок искр, и издал высокий вибрирующий вопль. Лицо его покраснело, а глаза в треугольных отверстиях казались безумными.

– Надеюсь, он слишком молод для апоплексии, – пробормотал Драккайнен на хорватском.

Провернул меч в руке так, чтобы острие спряталось за его предплечьем и коснулось плеча. Из ладони выступала лишь рукоять. Стоял, чуть сторбившись, на ровных ногах и подняв левую руку на высоту солнечного сплетения. Человек в стойке айкидо совершенно напрасно кажется задумчивым или рассеянным.

Молодой кинулся в атаку совсем иначе, танцуя и подскакивая, словно боксер, меч и щит все время нервно двигались в его руках, как голова кобры. Драккайнен глядел куда-то в середину его фигуры и ждал, расслабив мышцы. Понял уже, что у Грисмальфи неплохие рефлексy. Первый удар пал бы совершенно неожиданно, если бы не подобная презрению гримаса, приподнявшая губу юноши всего на четверть секунды раньше. Это был низкий, хитрый удар в бедро, рассчитанный на то, чтобы перерубить мышцы. Хватило сделать полшага назад, а потом сойти с дуги удара. Юноша восстановил равновесие несколькими танцевальными прыжками и внезапно выстрелил коварным уколом. Драккайнен перекрутил плечи и поворотом сошел с линии атаки, после чего, все еще держа меч вдоль руки, потянулся через подмышку парня к его шее.

Молодой князь рухнул на пол с изрядным шумом, щит с грохотом поехал под стол. Стоящие вблизи отскочили в стороны.

Драккайнен подождал, пока Грисмальфи найдет щит и попадет трясущейся от злости рукой в петли и отыщет шлем, укатившийся через весь зал.

Следующая атака была еще быстрее, состояла из нескольких финтов, один за другим, пока он не дождался укола, направленного по наклоненному щиту и сопровождаемого диким визгом.

На этот раз Грисмальфи перевернул лавку и сдвинул с места стол, щит на миг увяз под мышкой, блокируя ему руку.

– «Каковы бы ни были обстоятельства, сохраняй достоинство. Достоинство – приготовиться к сражению холодно, но умело, не давая вывести себя из равновесия движениями противника. Кажущаяся кротость достоинства скрывает тысячи возможностей. Так сила может противостоять изменениям. А следовательно, достоинство и сила – едины», – процитировал ему Драккайнен, стоя посреди зала.

Еще три атаки спустя молодой князь уже покачивался от усталости, получив ушибы от падений и покалеченный краем собственного щита.

Колол, резал и рубил, но противника никогда не было в месте, которое прошивал меч. Странник был как вращающийся шар, как туман. Однако сам ни на миг не выставил клинок, все время прятал его вдоль правой руки. Ему оказалось достаточно быстрого хвата четырьмя пальцами ладони, которыми он выкрутил парню запястье, бросая его на землю, рывка спиной, шага и поднятия руки. Небрежные, ленивые жесты, будто отгонял муху.

– «Кусок коры смеется над штормом, а ива – над ураганом», – посоветовал Драккайнен, хотя на самом деле ему было не до смеха.

Парень вправду быстр и опасен, а Вуко не обучали вести бескровные дружеские поединки. Каждый миг ему приходилось концентрировать свое внимание, чтобы не поддаться инстинкту, вбитому в мозг и мышцы, приказывавшему перерезать мелькнувшую аорту; перерубить основание черепа, когда открывался затылок противника; прошить одним быстрым уколом горло и мозжечок; распороть брюхо, когда противник пробежал рядом, ведомый собственной инерцией. Каждые пару секунд случалось несколько таких моментов, когда лишь усилие, сдерживающее полубессознательное движение руки, отделяло Грисмальфи от смерти.

Тот и понятия об этом не имел. Думал лишь о собственной ярости и поражении, все сильнее битый, уставший и униженный. Становился все менее ловок и все более опасен.

Особенно для себя.

Хватит, решил Драккайнен и одним движением снес шлем с его головы, после чего клюнул парня за ухо рукоятью меча.

Грисмальфи качнулся, ухватился за край стола и свалился лицом в истоптанный тростник. Чуть дернул одной ногой и стал неподвижен.

Драккайнен отошел в угол во внезапной тишине и спрятал меч в ножны.

– Жив, – произнес, глядя Грисме в глаза. – Утром стоит дать ему воды и перевязать голову.

Потянулся к столу и взял контейнер с радиолярией.

– Это мое, – сказал. – И так оно и останется.

Баня, в которой мне придется спать, – каменная пристройка. Сарайчик три на три, приставленный к одному из домов. Есть в нем сложенный из больших камней очаг, вылепленный из окаменевшей глины пол и деревянный помост. На балках под потолком сушатся какие-то травы, дым лениво уходит в дыры на крыше. Я чувствую облегчение и злость.

Я не справляюсь. Не умею с ними договариваться. Я ничего не узнал, ничего не понимаю, дал спереть у себя радиолярию и позволил устроить драку. Bravo, Драккайнен.

Зато мне не нужно лежать вповалку вместе с другими воинами в большом, вонючем зале, среди смердящих невымытых тел. В косматом полумраке, где каждый миг кто-то храпит, скрипит зубами, чешется или пускает ветры.

Я сижу на своем седле, пыхая трубочкой, и смотрю на рдяные поленья в очаге.

Не знаю даже, гостеприимство это, привилегия или знак недоверия.

Ночь темна, снаружи по-прежнему сеет дождь. Слышен только кашель стоящих на стене стражников. То, что здесь происходит, – нечто вроде повышенной боевой готовности. Обычно они, полагаю, в зале не спят. Даже у рыцарей Грисмы есть женщины, дети, дома или постой. Однако сейчас – все иначе. Нынче время холодного тумана, что бы это ни значило. Женщины и дети спят в отдельной камере, тоже с оружием под рукой, вповалку. Воины после пьянки дремлют на столах и на полу зала, охраняя доступ к их спальне. Последняя линия обороны. Прижавшись друг к другу, словно кролики. Даже по нужде они выходят, пригнувшись и со страхом, – прямо за порог. За ворота городища наверняка не вышли бы в ночи ни за какие сокровища.

Я выбиваю трубку о камни очага, потягиваюсь и выхожу наружу, набрасывая капюшон полукожуха. В колеблющемся огне ламп, что стоят под крышей на стене у ворот, капли дождя напоминают капли ртути.

Я прислушиваюсь. Доносится лишь лай собак, шаги часового, отмеряемые стуком дровка, шипение масляных фитилей, скрип ремней, лязг металла и шум дождя. Ничего больше.

Стою так минуту-другую, дожидаясь, пока часовой меня приметит. Он боится оторвать глаза от тьмы за частоколом – лишь зыркает через плечо. Я всхожу по скользким деревянным ступеням, стараясь как можно больше шуметь. Слишком они тут нервные.

– Ты тот чужак, что странствует в одиночку? Тот, что убил Пробужденного? – спрашивает воин, кивком указывая на торчащее над воротами копьё с насаженной лапой.

– Я. Хотел увидеть холодный туман.

– Ничего не видно. Никогда ничего не видно, пока не становится поздно.

– Ты видел когда-нибудь Пробужденного?

Он крутит головой:

– Не знаю. Что-то я вижу. Движение, туман. Порой просверк глаз. Однажды видел, как человек внезапно загорелся. Но обычно я лишь нахожу трупы. Пойдешь дальше?

– Такая судьба.

– Говорят, ты безумен. Но мне думается, ежели ты уйдешь отсюда, проживешь дольше нашего.

– Почему же вы не уйдете?

– Как уходить со своей земли? Одному легче. А целым кланом? Дома и земли не забрать. Ежели стирсман скажет – пойдём. Не скажет – останемся. От войны богов не сбежишь. Так везде. Надо выносить прочь странных детей и не красть песни у богов. И

блности обычаи. Всегда так было, так и теперь зло минует. Ты далёко идешь?

– Ищу безумных чужаков с рыбьими глазами. Якобы здесь был один. Мне говорили, что – Песенник.

– Был такой. Давно, но был. Высокий, с черной гривой и бледный словно рыба. С месяц просидел, а однажды ночью исчез. Глаза такие жуткие, что аж ноги слабели. Такой отвратный, а бабы за ним увивались. И, говорят, Грисма хотел его убить, но боялся. Верно говорят, что был это Песенник. Сразу как он исчез – пришел туман, и восемь мужей погибли. Говорят же, что туман идет вослед Песенникам. Чтобы песни отобрать и вернуть богам. Говорят, нет ничего худшего, чем Песенник, потому как хотя песни его и деют, зато злую судьбу притягивают. Со всем прочим человек-то справится. На железо найдется клинок, на яд и болезнь – зелья и заговоры, даже на бабу способ найдется. Только с песнями богов человек ничего не поделает. А того хуже, ежели из-за этого некий бог о тебе прознает. Зачем ты его ищешь?

– Такая судьба, – отвечаю уклончиво. – Он кое-что кое-кому должен. Не здесь его место. Я должен забрать его отсюда. Мой король желает его видеть, – четыре глупых объяснения лучше, чем одно хорошее. И, как видно, хватает, поскольку стражник кивает и замолкает.

Я концентрируюсь и активирую цифрал.

* * *

В усиленной подсветке тоже видно не много. Та же вырубка и те же кусты, вьющаяся меж скал река и мрачный лес на горизонте. Он сосредоточился на температуре и тогда увидел холодный туман.

Тот и вправду был холодным – на добрых десять градусов ниже окружающей температуры. Сам эффект тумана возникал из-за конденсации, но вокруг городища удерживалось беспокойное кольцо ледяного воздуха. Еще дальше виднелись вьющиеся полосы, что дотягивались, как щупальца, до леса.

Драккайнен оперся о балюстраду и посмотрел внимательнее. Туман, который виделся ему сине-голубыми испарениями, все время был в движении. То густел, то вновь прореживался, клубился в неясных формах. Казалось, из него то и дело проступают фигуры людей и животных, какие-то совсем неопределенные формы, будто ветви, или шевелящиеся щупальца, или клубки змей. Все это находилось в непрерывном движении, перетекало одно в другое. Где-то туман сгущался в пятна, окруженные глубокой синевой, которые словно высасывали тепло из окружения. Продолжалось такое минут-другую, после чего облако рассасывалось и казалось, что там стоит уродливая получеловеческая фигура. Он увидел нечто, напоминавшее горбатого человека с карикатурно измененными чертами, выщербленными топорами вместо ладоней и клепаным черепом, поросшим шипами, на которые надеты были человеческие уши. Нос его и подбородок напоминали крученые корни и переплетались, а глаза были совершенно круглыми, рыбьими. Кожа твари выглядела полированной ржавой жестью.

Чем дальше он глядел, тем больше замечал страшилищ – словно в какой головоломке. Казалось, фигуры подходят к стене и глядят, стоя полукругом метрах в двадцати у ворот. И все навязчиво вызвали в памяти фигуры с полотен Босха. Те самые карикатурные черты, тот самый садистский сюрреализм, только без устойчивых форм. Они постоянно росли,

менялись, пульсировали. На его глазах крупная жабоголовая тварь внезапно вытянулась, распрямила худые ноги, после чего согнула удлиненное туловище, сложила под ним шипастые конечности и приподняла треугольную голову с лицом Дейрдре, Дейрдре Маллиган из Дерри, с большими, открытыми змеиными глазами и развевающейся гривой – словно клубком раскаленных проволок. Он увидел пару грудей, щелкающих зубами, и вздрогнул.

Как наркотический приход, подумал он. Этот проклятущий туман – галлюциноген.

Тварей он видел только в инфракрасном. Они ничего не делали. Просто стояли и смотрели.

Смотрели на лапу, повешенную на воротах.

Драккайнен потряс головой и взглянул нормально, без разницы температур, при усиленной подсветке.

– Видишь что-то? – спросил стражник.

– Туман, – это была правда.

Он снова видел только туман.

* * *

Проснулся он внезапно, погруженный в душную темень бани и душный запах угасшего очага. Проснулся и вслушался. Не сел – просто приоткрыл веки и медленно передвинул руку, чтобы нащупать рукоять меча. В бане не было окон, а свет, падающий сквозь дымоход, был слишком слаб, даже под усилением. Он взглянул в перепаде температур, но и так чувствовал, что комнатка пуста. Это было нечто снаружи.

Он плавным, бесшумным движением откинул одеяло и соскользнул с помоста, на котором расстелил постель.

Снаружи тихо, успокаивающе шелестел дождь. Слышались неторопливые шаги тяжелых сапог стражника. Стукнуло древко. Мягкий, слабый отзвук растираемых мокрых, замерзших ладоней. Где-то поблизости улавливалось легкое дыхание: через нос, медленное, но ведь любое дыхание – звук. Легкий шелест одежды. Плеск грязи.

Он почувствовал мурашки на руках. Гиперадреналин. Сконцентрировался, придержал приходящее ускорение. Процесс можно задержать, но на это требуется несколько секунд. Последнее, что ему было нужно сейчас, это метаться по бане, словно нетопырь в клетке, сокрушая все вокруг.

«Единственное твоё оружие – мозг, – говорил Левиссон. – Не мышцы, не меч, но мозг. Не будет как в фильмах. Тебя частенько подловят или захватят врасплох. Потеряешь оружие или не успеешь его выхватить. Узнаешь вкус паники, поражения, усталости от боя. Помни: гибнут, главным образом, те, кто перестал думать. Кто поддался. Опустил руки. Никогда не переставай планировать. Ни на секунду. Все – оружие. Крик, обморок, призыв о помощи, ложка или кусок тряпки. Любое выживание – торжество импровизации».

Спокойным движением он вытянул меч из ножен и глянул в треугольный вырез одного из дымоходов. Незакрытое пространство под крышей, слишком маленькое, чтобы там уместился человек. Снаружи снова раздался плеск грязи. Кто-то вступил в лужу.

Он огляделся снова. Погасшая лампа. Куча скарба в углу. Помост с расстеленной постелью. Каменный очаг. Все может стать оружием.

В щели двери появилось узкое острие ножа и начало приподнимать обратную деревянную щеколду. Легонько. Так, чтобы та вышла из крюка, но не вывернулась в другую сторону. А потом хватило бы надавить на дверь. Завесы из кожаных ремней не должны скрипнуть.

Пришелец скользнул внутрь, прикрыв за собой дверь. А потом бесшумно стал красться к помосту, на котором покоилась скорченная фигура, прикрытая одеялом. В бане было совершенно темно, потому пришелец не мог увидеть Драккайна, стоящего над дверью, на косяке, прилегающем к стене. Вуко же видно было достаточно. Сунул клинок меча тупой стороной между зубов и, вытянув руки вперед, прыгнул. Все – в тишине.

Драккайнен ударил ладонями в стропила, кинул тело вниз, приземляясь на пол, после чего одним движением сунул руку под мышку пришельца, хватая его за горло, и, стиснув сонную артерию у самой трахеи, схватил меч. Подбил колени нападавшего, опрокидывая его на себя. Повернутое вниз острие коснулось сонной артерии. Теперь хватило бы одного движения.

Короткого.

Но острие не сдвинулось.

– Сейчас я тебя отпущу, – выдохнул Драккайнен ласково. – Но, если попробуешь крикнуть или я почувствую, что твой живот напрягается, перережу тебе дыхательное горло. Не сумеешь даже пикнуть... моя госпожа.

Отпустил ее.

Королева минутку кашляла и растирала горло, стоя перед ним на коленях и с опущенной головой.

Он поднял нож, который она выпустила. Узкий, не слишком длинный. Шило. Пробьет почти всякую одежду и войдет достаточно глубоко, но не оставит много следов. Оружие тайного убийцы.

Она пыталась что-то сказать, но снова закашлялась. Он зачерпнул кубком в ведре с водой, подал ей.

– Он говорил, что придешь. Говорил, что за ним придут другие. Я сразу тебя узнала. У тебя нет святых глаз, как у него, но ты – такой же. Высокий, со странным лицом. Я знала, что ты – тоже сын богов. Он точно так же сидел и смотрел. Так, словно все знал наперед. Я ждала, когда ты придешь. И ты пришел. Принеся руку моего сына.

Драккайнен остолбенел.

Надлежало задать один из миллиона вопросов, которые пришли ему в голову, но он не знал, какой именно.

Она дернула застежку, и обнимающие ее меха пали на землю. Королева задрала платье и легла на спину на краю помоста, широко разводя ноги. Протянула к нему руки:

– Возьми меня.

– Ты хотела меня убить.

– С той поры, как он ушел, я каждые девять месяцев рождаю дитя, хотя не хожу в тяжести. Я боюсь. Старуха приказывает вынашивать их втайне. В лес. В холодный туман, чтобы они умирали. Но они возвращаются. Идут к своему отцу. Однажды они отомстят мне и заберут с собой. Я принадлежу ему. Не хочу, чтобы все закончилось. Возьми меня, хочу родить больше детей холодного тумана. Однажды старуха меня убьет. Столько лет она притворялась Знающей, и только он показал, чего она стоит на самом деле.

«Что ван Дикен здесь наделал?» – с отчаянием подумал Драккайнен. Превосходно. Ему

было интересно, сколько людей в истории, попав в аналогичную ситуацию, смогли воскликнуть перед смертью: «Король, это не то, что ты подумал!»

– Ты должен ему заплатить. Дай мне ребенка взамен того, которого убил.

– У тебя был ребенок с ван Дикеном?

– С кем?

– Песенник с рыбьими глазами. Это он приказал тебе меня убить?

– У меня было с ним множество детей. И множество – еще будет. С ним и с тобой. А назывался он Акен.

Акен. Иеронимус ван Акен, прозываемый Босхом.

И дети холодного тумана. Рождаемые без беременности и уносимые в лес.

Ясно.

Темнота бани скрывала эти отталкивающие мелкие отличия. Узкие крылья носа. Наполненные чернотой коровьи глаза. Волосы, растущие на загривке и в верхней части плеч, словно конская грива. Продолговатые уши. И прочие подробности, благодаря которым она казалась нечеловеком. В темноте же она была просто женщина. У нее были холодные руки и мокрые стопы.

Немного пахла конским потом, немного – мускусом и кислым молоком. Чуждо. Нечеловечески.

Он мог бы ее взять.

И понял, что мог бы ее и убить, приди ему в голову такой каприз.

Мог бы сделать все что угодно. Убить Грисму, править вместо него. Управлять толпой обезумевших, завшивленных, надыхавшихся галлюциногенными испарениями дикарей. Или поубивать их всех и отправиться дальше. Не было над ним ни закона, ни религии – ничего. Был он здесь один. Мог делать все или ничего. Обе возможности казались достаточно скучными и ни к чему не приводили. Мир нигилизма.

Он взглянул в ее широко открытые коровьи глаза, раскрытые губы, мелкие зубы.

Королева...

Ему захотелось смеяться.

Это непрофессионально.

– Иди сюда... – простонала она.

Во дворе внезапно раздался какой-то шум. Стук дверей, топот множества ног, крики, что-то с шумом рухнуло, собаки взорвались яростным лаем.

Они отскочили друг от друга. Драккайнен схватил штаны, впрыгнул в сапоги, кое-как охватывая голенища ремнями, воткнул голову в шлем и с одними наручными щитками в зубах взглянул на королеву, что сжалась на помосте, глядя на него влажными глазами, словно перепуганная крыска.

За дверьми загремел яростный растущий рев. Протяжный, от которого по спине бежали мурашки. Точно такой, как издавал княжич во время поединка.

– Безумный Крик... – прошептала она. А потом ее зубы обнажились в сумасшедшей ухмылке. – Идут мои дети! Ты их призвал! Близится холодный туман!

Драккайнен смерил ее тяжелым взглядом, все еще сжимая наручные щитки в зубах, и дернул дверь.

На площади царил полный хаос. Можно было увидеть воинов в шлемах, но без штанов или полностью одетых, но без оружия. Люди бессмысленно металась во все стороны, то и дело сталкиваясь. Зажгли факелы вдоль частокола, и теперь площадь была залита нервным,

как при пожаре, светом. Мокрые факелы сыпали искрами и коптили, кто-то споткнулся о бочку и упал, кто-то орал неясные приказания, но его никто не слушал. Над всем этим вставало понурое ворчание рога.

Драккайнен нашел невымощенный кусок площади и воткнул меч в землю, после чего сунул пальцы в отверстия кожаной перчатки, соединенной с наручами.

– Что за бардак... – пробормотал невнятно по-хорватски, затягивая зубами ремешки. Ударил ладонью по доспеху, вынул меч и сунул его под мышку. – Среди ночи... А у меня свиданка в самом разгаре... С королевой, *piczku materi*...

Кто-то выскочил из-за его спины. Вуко ударил его в грудь раскрытой ладонью, прихватил в горсть кольчугу, притянул к себе:

– Что происходит?! Куда летишь?!

– Пробужденные... – проблеял тот, дыша запахом старого пива. – Пробужденные...

– Все уже и так пробуждены, баранья голова! – рявкнул Драккайнен. Оттолкнул его на стену бани и двинулся к воротам.

Дикий боевой вопль раздался снова, замораживая кровь в жилах. Воины останавливались и стихали на миг-другой.

Княжич стоял под дождем с мечом и щитом в руках. Полуголый, только в меховых сапогах и исподнем. Драккайнен не узнал его в первый момент, потому что Грисмальфи нарисовал себе на лице и груди черные широкие зигзаги. Стоял и издавал загробный рев, от которого звенело в ушах. Ответ был хоровым, словно отзывалась шакалья стая.

Видать, я его изрядно долбанул, подумал Драккайнен с сочувствием.

– Грисмальфи, нет! – пискляво надрывалась какая-то девица, захлебываясь пронзительным плачем.

– Встану в руинах живым последним, – крикнул княжич. – Не отступлю и слез не сроню! Мир пусть рыдает, враги пусть бегут. Умершие встанут со мной пусть. Пусть помнят живые. Бога разбудит пусть песнь о последнем живом! Плачь, Хинд, над неотступившим! Иду я! Тот, кто путь преградит! Не пройдете!

Это какой-то обряд, подумал Драккайнен. Остальные расступились, дав Грисмальфи пройти. Стражники морочились с засовами на малых дверях в центре ворот – деревянных дверок размером с человека, снаружи щетинившихся железными шипами. Они чуть приотворились, Грисмальфи протиснулся в щель и растворился во тьме.

Они столпились над главными воротами, чтобы увидеть, как героический сын владыки станет смывать позор вчерашнего поражения. За ужином над ним смеялись, а теперь в их глазах стояли слезы – когда он жертвует собой в припадке мужества. Будет он там стоять и отгонять наркотические видения, размахивая своим прямым мечом. Будет колоть туман и разгонять испарения.

Герой.

Странник протиснулся сквозь испуганно сбившуюся группку воинов на ступенях и вышел на настил из мокрых брусьев над воротами.

Ничего не было видно. Даже тумана.

Только Грисмальфи, стоящего во тьме, с телом, изукрашенным черными зигзагами, высекающего снопы искр клинком о край щита.

– Там ничего нет, – сказал громко Драккайнен. – Нет чудовищ. Это мороки. Туман ядовит.

Горелый Гнев, стоящий рядом, схватил его за руку и молча указал на лежащий на навесе

безголовый труп стражника. Того самого, с которым Драккайнен разговаривал несколько часов назад. Над воротами торчало обломанное копьё, лапы чудовища на нем не было.

Вуко открыл рот, но ничего не сказал.

Сперва показалось испуганное стадо оленей. Самец, самка и четыре штуки молодняка. Выскочили из леса и погнались в сторону крепости, игнорируя Грисмальфи, будто он их совершенно не интересовал.

Туман внезапно затопил деревья и залил поляну, словно приливная волна. Захлестнул бегущих зверей и, прежде чем они исчезли, Драккайнен в остолбенении заметил, что мчащийся вперед рогач распадается на идеально квадратные кусочки – как проскочив сквозь сетку лазерных лучей. Встряхнул головой.

– Там ничего нет, – повторил.

А потом вспомнил существо, которое зарубил. Туман или нет, но тварь была реальна и дьявольски опасна. Царапины на коже все еще горели, словно муравьиные укусы.

Сделалось холодно. Вуко взглянул сквозь термический фильтр и увидел, как перед стоящим с обнаженным мечом Грисмальфи густеет столп тумана, как мелькает в нем нечто кривоногое, большое и человекообразное, будто разъяренная горная горилла.

Кто-то вскрикнул. В обычном зрении тварь была сгустком тьмы. Косматым мраком, в котором лишь посверкивали раскаленной краснотой глаза да палисад мощных зубов.

– Там ничего нет, – сказал Драккайнен в третий раз. – Это морок. Смотрите, это пролетит насквозь.

Вырвал из держателя факел и метнул прямо в чудовище. Рыкающий пламенем снаряд перекувыркнулся и отскочил от груди твари, рассыпая искры. Существо чуть присело и издало раскатистый инфразвуковой рык почти на границе слышимости, от которого дрогнул воздух.

Драккайнен выругался, метнул меч за стену и перескочил через барьер, стараясь не напороться на заостренные колья.

Ускорение пало на него, как завеса, превращая полет в сонное парение – словно спуск на парашюте. Он выставил ноги, напряг мышцы, стиснул зубы и подобрал язык. От настила до земли было не больше четырех с половиной метров. Он помнил также, что напротив ворот нет никаких кольев.

Земля плыла ему навстречу. Он самортизировал падение кувырком через плечо и вырвал свой меч из земли.

Поднял оружие сбоку от головы, глядя сквозь ползущие к земле капли дождя: каждая переливалась в свете факелов, словно бриллиант. В заторможенном мире гипердреналина туман казался плотным, словно занавес. Крик Грисмальфи превратился в китовый стон.

Тварь внезапно материализовалась и двинулась вперед, как косматая гора. Напоминала пещерного медведя, чья мама покуролесила с йети. Сучковатая лапа с кривыми когтями прошла мимо его головы, разгребая загустевший воздух, словно реактивный самолет. Он ушел полуоборотом, кувыркнулся меж ногами чудовища и, встав по другую его сторону, двукратно рубанул там, где должны были оказаться бедра.

Рык боли звучал низко, вибрирующе – задрожали барабанные перепонки. Тварь повернулась, грохнула по-гориллы обоими гигантскими кулаками, взбивая фонтаны грязной воды, но Драккайнена там уже не было. Мокрая рукоять прекрасно лежала в руке, а клинок был остер, словно бритва. Слава заводам «Нордланда», выпускающим лучшие мечи во Вселенной.

Это всего лишь животное, подумалось Вуко. Большое, но животное.

Огромная голова рванулась вперед, челюсти щелкнули, словно капкан. Полетели липкие, тянущиеся нитями капли слюны; дохнуло тяжелым, почти минеральным смрадом. Драккайнен уклонился полуповоротом и рубанул одной рукой обратным хватом сразу за мощными челюстями. По глотке.

Смотрел, как из шеи твари брызгает пульсирующий поток черной крови и распадается круглыми каплями.

И тогда – огреб по корпусу.

Только когда рухнул после длинного, идиотского полета, что в замедленном времени тянулся бесконечно, понял, что у него проблемы. Боль вытекала откуда-то из костей длинной обморочной волной, но не исчезла, а осталась.

Я недооценил эту тварь, мысленно обругал он себя. Расслабился, надутый я дурак.

Попытался встать, но снова упал на мокрую траву. Сменил позу, но в этот миг корявая лапа, черная, словно кожаная перчатка, упала ему на грудь, пригвозждая к земле.

Как глупо, подумалось Драккайнену. – Жаль.

«Гибнут те, кто перестает думать», – говорил Левиссон. До меча было слишком далеко. Он протянул руку, не сводя глаз с отвратительной плоской, будто человеческое лицо, медвежьей морды. Из перерубленной артерии била пульсирующая струя, но часть жидкости медленно, дрожащими на ночном ветру каплями всасывалась в мех и капала на лицо Странника.

Меч лежал слишком далеко.

Не переставай думать.

Он забросил здоровую ногу на прижимающую его к земле руку и сделал двойной рычаг на локоть.

С тем же успехом можно было пытаться сломать стойку моста.

Черные губы задрались, от них оторвалась капля липкой слюны, а Драккайнен, как зачарованный, глядел на обнажающиеся клыки. Потом продолговатая, местами вылинявшая башка, крупная, словно бадья, начала опускаться прямо ему на голову.

Челюсти захлопнулись.

На скорлупе наруча, которым Драккайнен закрылся. Слой под титаном, притворяющимся железом, был модифицированным семнадцатислойным ламинатом. Основа со структурой меда, наполненная прессованным арахнидом. Интересно, какая у твари сила укуса?

Наруч загрешал. В любой миг лопнет, и тогда рука Вуко брызнет в разные стороны, как перезрелый помидор.

Он потянулся второй рукой и воткнул ее в рану на шее чудовища, после чего что-то нащупал внутри – и рванул.

Тварь внезапно распрямилась и на миг приподняла пригвозждающую Странника лапу, издав гремющий рев. Но двигалась она не слишком быстро. Сокрушительный натиск сперва ослаб, лапа поехала вверх, а за это время Драккайнен успел приподнять здоровую ногу, оттолкнуться от тела бестии и проехать спиной по мокрой траве, раздирая кожу о какой-то корень.

Меч лежал в траве.

Они разминулись при атаке. В замедленном темпе ему казалось, что тварь несется, как буйвол, вырывая клочья травы и разбрызгивая грязь. Сам он провел дурацкое, неловкое уклонение, скача на одной ноге, и рубанул горизонтально, через брюхо.

Тварь обрушилась – сонно, медленно, будто взорванный дом, с грохотом, от которого затряслось все вокруг, пала на землю. По ее мышцам и меху пошла волна, вверх полетели брызги мокрой земли и кувыркающиеся веточки.

А потом капли полетели нормально, вернулся шум дождя и крики воинов, стоящих на помосте.

Он толкнул голову твари носком сапога, прекрасно понимая, что это дурость, – но ничего не случилось. Зверь как зверь. Никакой не Пробужденный.

– Ну ты и урод, – проворчал Драккайнен. – На папочку не похож, верно?

Минутку он сидел, тяжело дыша.

Недолго.

Грисмальфи одиноко стоял перед воротами с вынутым мечом, выглядел жалко и беспомощно.

На помосте установилась мертвая тишина. Страшная. Даже собаки замолчали.

Перед парнем выросло высокое худое создание в черном мокром плаще и с головой, что напоминала крысину морду. Оно держало что-то вроде музыкального инструмента словно массивную флейту.

Очень тяжело бежать, хромая, и с обнаженным мечом. Особенно после нескольких минут ускорения.

Существо, стоящее перед воротами, подняло дудочку и издало на ней звук, что прозвучал словно женский крик. Жуткий, полный страдания и ужаса, только дольше, чем могли выдержать человеческие легкие.

Драккайнен бежал.

В воздухе замер призрачный плач, а Грисмальфи стоял, воздев меч.

И старел.

Старел с пощелкиванием. С потрескиванием, подобным звукам горячей травы. Синие волосы бледнели и покрывались серебром седины, кожа шла глубокими морщинами, меч подрагивал во все более паучьих пальцах, на кончиках которых росли сломанные желтые ногти, закручивающиеся в крюки. Из полуоткрытого рта выпадали зубы, один за другим, за ними тянулись нитки густой крови и слюны.

Драккайнен бежал. Вскидывая подвернутую ногу, хромая и подсакивая.

Даже одежда Грисмальфи старела. В один миг покрылась пятнами, металлическая оковка почернела, вышивка свешивалась клочьями истлевших ниток.

А над всем этим возносилась бесконечная жалоба, словно крик пытаемой баньши.

Вуко добежал и остановился в позиции кота, позволяя вывихнутой ноге чуть касаться земли.

Под ускорением жалоба была низким вибрирующим гудением, полным инфразвуков.

Он не успел.

Прежде чем клинок опустился, обрубая пение жуткого певца, тот внезапно оборвал музыку и начал рассыпаться.

Это не была пыль.

Музыкант с крысиной головой распадался на ночных мотыльков. Толстых, с металлически лоснящимися брюшками и крыльями, будто маленькие черные пелерины. Сотни маленьких насекомых, улетающих в ночь.

Меч прорезал пустоту.

Грисмальфи неподвижно лежал на земле с побледневшими черными глазами,

смотрящими в бездонное небо. Не моргал, несмотря на мелкие капли дождя, падающие ему прямо в зеницы.

Был легок, словно пустая скорлупа. Напоминал сброшенную шкурку змеи, но черт его лица было не рассмотреть. Казался мумией.

Туман развеивался. Остался только дождь.

Вуко ударил навершием шлема в ту часть ворот, на которой не было колышков, и услышал, как внутри заскрежетали запоры.

Они расступились молча, когда он шел, прихрамывая, с мертвым княжичем на руках.

Положил его на столе в большом зале, подле угасшего костра.

Смотрел, как они входят следом, становясь под стенами, будто боясь приближаться.

– Это твой сын, Грисма! – крикнул Драккайнен. На щеках ходили желваки. – Он должен был править после тебя, но погиб, чтобы тебя защитить. Погиб, разгоняя копьем туман. Встав против бури. Коля мечом вулкан. Рубя землетрясение. Затем, чтобы ты мог говорить, что никогда не отступаешь. Он звался Грисмальфи Дождевая Птица.

Он отхромал от стола. Стоящие расступались перед ним, когда он неловко прошел на двор. Смотрели в молчании, как он что-то ищет на площади. Наконец он взял лестницу, вошел в конюшню и принес старые трензеля. Они стояли вокруг, наблюдая за каждым его шагом. Смотрели, как он обвязывал ногу ремнями и зацеплялся стопой за ступеньку лестницы. Некоторое время он искал нужное положение, а потом дернулся всем телом, с ногой, обездвиженной между ступенями. Раздался хруст, после – сдавленный крик, прозвучавший словно вой волка. Смотрящие отпрыгнули.

Драккайнен, сидя, развязал ремни и помассировал щиколотку, вертя стопу во все стороны. Потом надел сапог и вернулся в зал, расталкивая тех, кто не успел отпрыгнуть.

Нашел кость, на которой осталось порядком мяса, сохлую головку сыра, собирал какие-то надкушенные луковицы, придвинул к себе кадку с огурцами.

Они смотрели, как он судорожными движениями рвет куски хлеба, как прямо из кувшина хлещет пиво, текшее по подбородку, как рвет зубами ветчину, вгрызается в луковицу.

Никто ничего не сказал.

Даже Грисма.

Потом Драккайнен отодвинул от себя остатки еды, встал и вышел из зала.

Они стояли на мощеном подворье, когда он вошел в баню и захлопнул за собой дверь. Слышно было, как запирает ее чем-то.

Клан Безумного Крика стоял на подворье и смотрел на баню.

Шел дождь.

Утром дождь прекратился, но все продолжали стоять, молча и беспомощно.

Наконец они разошлись. Надо же как-то жить. Открыли ворота, пастухи выводили коров и коз. Началось какое-то движение. Из-под кровель изб начал сочиться дым.

Только со двора доносились уже плач женщин и голос бубна Знающей. Княжич должен был отправиться в дальнюю дорогу.

Кто-то запряг волов к порубленному трупу чудовища и оттянул его от города. Самые мудрые и отважные воины пошли туда с рогами пива в руках, чтобы тыкать останки копьем, тарашиться и обмениваться профессиональными замечаниями.

Поздним утром двери бани отворились, и показался Драккайнен. Немного хромал на одну ногу, но шел уверенно, навьюченный свертками и сумкой, в полном доспехе, с седлом на плече. У него все еще было каменное лицо, и он по-прежнему молчал.

Грисма преградил ему путь.

– Мой сын умер вчера ночью, – заявил.

– Я видел, – рявкнул Драккайнен.

– Он умер, чтобы ты с нами остался. Ты мне это должен, – начал Грисма, но, увидев лицо Вуко, замолчал.

Тот сбросил седло и быстрым змеиным движением выхватил меч. Только слегка – на пять пальцев, но Грисма стремительно отскочил назад. Остальные тоже отступили.

– Попробуй задержать меня, король, – произнес Драккайнен тихим страшным голосом. – И обещаю тебе, что еще до полудня не станет племени Безумного Крика.

Грисма молчал.

Нитй'сефни спрятал меч и забросил седло на плечо. Ушел вдоль ручья, не оглядываясь, и никто его не задержал. Говорили, что туман шел за ним.

Глава 3

Конь, ворон и человек

*Хримфакси конь
сумрак несет
над богами благими;
пену с удил
роняет на доли
росой на рассвете.*

Речи Вафтруднира

На первый отдых я становлюсь где-то через три часа марша от Двора Безумного Крика. Чтобы наверняка.

Сижу на валуне и макаю вывихнутую щиколотку в ледяную воду фьорда. Низкая температура приносит облегчение, да и заживлению помогает.

Дело не только в том, чтобы люди стирсмена не заметили, как я хромаю, как волокусь, опираясь на палицу, как ищу уединения в кустах, борясь с порченным мясом, что крутит кишки (в моем учебнике по выживанию явно не хватало главы «Растения Побережья Парусов, что могут заменить туалетную бумагу»). Дело было в том, что они мне надоели.

У меня накопилось достаточно материала для упорядочивания.

Я говорю сейчас о галлюцинациях. Уверен, часть того, что я видел, появилась из моей головы. Особенно призраки – те, что будто сошли с полотен безумного голландца. А еще, возможно, отравляющее воздействие тумана провоцирует нападение некоторых животных. Хотя бы того медведеподобного бигфута.

Стоило бы взять образцы и исследовать состав. С помощью цифрала, вероятно, я мог бы в некоторой степени с этим справиться, но это рискованно и глупо.

Я боюсь.

Да и туман – не мои проблемы.

Мои проблемы – четверо людей, затерявшихся в пущах Побережья. По крайней мере я знаю, что иду по следам ван Дикена.

По следам, насчитывающим два года.

Представим себе галлюциноген, который дает столь длительные видения. На моих глазах помидор превращается в паука, потом отравление проходит, но я уже навсегда вижу овощ как помидорного паука. Длительное поражение перцепции. Более того, это видят и другие, те, кто попал под воздействие яда. Но приходит кто-то новый – и для него это все еще помидор.

Княжич постарел и рассыпался на моих глазах, но, быть может, его разбил удар, а прочее – мои видения?

Река лениво катится меж высокими скалистыми берегами, меж камней растут крученые сосны, цепляющиеся корнями за остатки грунта. Мне это напоминает Финляндию.

Каникулы у дедушки Вяйнемейнена. Будь он здесь, отправился бы на рыбалку.

Путь, что вьется меж камнями и скалами, – пытка для того, кто подвернул ногу. Из моей внутренней карты следует, что меня ждет минимум пара дней марша. А с такой ногой – все

три.

Я иду, останавливаясь каждые два часа. Мог бы идти быстрее, но мне некуда спешить. Впервые в жизни я чувствую, что днем больше, днем меньше – не имеет никакого значения.

Вскоре мне придется кого-нибудь поймать или застрелить. Скромного НЗ не хватит надолго.

Я мечтаю о коне. О приземистом оленеподобном существе странной масти, на которых здесь ездят.

Царство за коня.

Золото за коня.

Мысль о коне потихоньку становится манией. На этой части Побережья нет диких скакунов. Никаких табунов. Только скалы, деревья и река. Река, что течет к морю. Мне приходит в голову сделать плот и спуститься по течению к устью, к порту. Или, по крайней мере, соорудить долбленку. Каноэ.

Но идея о строительстве лодки не заглушает маниакальные мысли.

Жажду коня.

Мечтаю о коне.

У меня есть только мачете – солидный плот я буду строить неделю. Быстрее добраться до места пешком.

Я марширую между камнями и со скуки визуализирую коня. Элемент позитивного мышления. В уме слышу цокот копыт и фыркание, вижу, как он несется рысью, вскидывая ноги, с развивающейся гривой.

Конь. Царство за коня.

На закате над рекой встает туман. Мглистые полосы и клубы; при виде их сердце мое начинает биться сильнее, но это просто вечерние испарения. Нет резкого понижения температуры, нет галлюцинаций.

Я нахожу поросшую травой вершину и строю себе шалаш на берегу. Связываю верхушки невысоких деревцев и привязываю их к изогнутому стволу растения, похожего на вербу, а потом обкладываю крышу игольчатыми ветками. Слой таких же веток я укладываю на полу шалаша.

Будь у меня хотя бы кусок моего парашюта... Что это была бы за палатка!

Через час перед шалашом полыхает огонь, кипит вода во фляге и дымится «Вирджиния» в трубке.

На берегу, вокруг моего лагеря, натянуты веревки, на которых позвякивают металлические фрагменты снаряжения. Примитивно, но, может, никто не сумеет приблизиться ко мне, пока я сплю.

Вокруг тихо. Неестественно тихо и пусто. Лишь порой плеснет вода да прокричит некая птица. Я ловлю себя на том, что говорю сам с собой.

Пожалуй, я никогда не был в одиночестве так долго. Дома даже одинокий человек постоянно слышит разговоры. Говорят предметы, домашняя техника. «Ключи! Не взяли ключи!» – кричит чип, впаянный в куртку, когда выходишь из дому. Говорит дом, холодильник, телевизор, машина.

Когда я был маленьким, все эти вещи пытались еще и воспитывать человека, а не только следить за ним. Такие были времена. «Это четвертая банка пива! – ругал моего отца холодильник. – Одно пиво – это один процент алкоголя, эквивалент двадцати пяти сотых грамма чистого спирта! Даже такое количество может быть опасно для здоровья!» Можно

было с ума сойти. Особенно посреди ночи. Поэтому отец заклеил пленкой штрих-коды на продуктах, и холодильник не мог подсчитывать для него холестерин, сахар, триглицериды и проценты алкоголя.

На ужин я жую сухую колбасу с сухарем, запиваю водой с медом и ракией. Смотрю на костер. Потом – в наконец очистившееся небо, полное чужих звезд, рассыпанных в беспорядке, как горсть пепла.

Где-то там острова Сплитского залива, горы Истрии, озера Мазурии и Карелии. Мой тройной дом. Гвар, Вроцлав и Турку. Мои города. Где-то там. Где-то там, через черную дыру в космосе плывет «Манта», а на ее борту – рыжая Дейдре из Дерри возвращается домой.

Где-то там.

Я засыпаю, завернувшись во влажный плащ и глядя на угли костра. Вижу сны о лошадях.

* * *

Будит меня звук взрыва. Внезапный грохот, который прокатывается эхом по горам. Отличный от треска молнии, особенно учитывая, что утреннее небо не предвещает грозу.

Я выскакиваю из шалаша, будто пружина.

Продираюсь между деревьями в сторону, откуда донесся звук: осторожно, с мечом в руках. Бледный рассвет, мокрые ветви хлещут меня по лицу. Тут буквально нет ничего, что могло бы взрываться. Первое, что приходит в голову, – это какой-то фокус ван Дикена. Человек с Земли мог бы устроить взрыв, задумай он это сделать. Если нашел где-то селитру, серу, древесный уголь – мог бы сделать порох. Неважно зачем, важно, что он здесь есть.

Я ищу дым, воронку в земле, хоть что-то. Но не нахожу ничего и, замерзший, возвращаюсь в лагерь.

День начинается с отсутствий.

Прежде всего, не хватает зубной пасты. Не хватает мыла. Крема для бритья, одеколona.

Я отказываюсь от бритья. Щетина царапается и чешется, но мне неохота пользоваться архаичной бритвой в форме полумесяца, что спрятана в кожаном чехле.

Таинственный грохот не дает мне покоя. Решаю еще раз обыскать окрестности перед выходом.

Не хватает капучино, гренок и паштета из тунца или салата из осьминогов, такого, как подают в ресторане «Реди Марэ».

Зато есть горячая вода с растворенным шоколадом, полоски сушеной говядины и кусок халвы.

После купания в ледяной реке и мытья пеплом я становлюсь озябшим и мокрым, но не чистым.

А потом, когда пакую свое добро, докучает еще и то, что у меня нет коня.

Прохожу едва десяток метров и вдруг натываюсь на нечто, что может оказаться следом от того взрыва. Круглая проплешина странно поседевшей травы, тщательно очищенная от кустов, раскиданных вокруг, – но нет ни воронки в земле, ни следов воздействия температуры. А посередине я вижу коня. Таращусь на него в ошеломлении, уверенный, что это галлюцинация. Он большой, почти два метра в холке, и шерсть странной полосатой масти, как у тигра. Стоит на идеально круглой полянке, вырезанной посреди карликовых сосенок, словно кто-то поставил там гигантский стакан.

Я отстегиваю ремни, очень медленно кладу на землю багаж и седло. Мне становится горячо. Вся упряжь у меня в одной из сумок. Лихорадочно пытаюсь вспомнить, куда я подевал веревки. Откидываю лямки, медленно роюсь в самых разных предметах, не спуская с животного глаз.

Конь неуверенно пританцовывает на странной полянке, в кругу поседевшей, пригнувшейся к земле травы. Я медленно протягиваю ладонь и дотрагиваюсь до нее. Стебли примяло, словно тут делали таинственные круги на полях, однако они замерзли и покрылись изморозью. Трава хрустит под трехпалыми копытами, будто стекло. Такой круговой заморозок с конем посередине.

Похоже, он так же удивлен и охвачен паникой, как и я. Прижимает уши к голове, издает странные ворчащие звуки. Не знаю, что они значат, – меня учили на нормальных, земных конях.

Наконец я нахожу веревку и делаю петлю на одном конце, после чего продергиваю остальную часть сквозь нее и делаю лассо.

Животное издает нервный пронзительный визг и отскакивает чуть в сторону, но лишь на край поляны, словно опасаясь ее покидать.

Мы кружим, как по арене. Я – медленными, почти гипнотическими шагами, одновременно сворачивая веревку широкими петлями, ровно, виток к витку, так, как меня учили. Петлю на конце широко растягиваю и укладываю в пальцах так, чтобы можно было выполнить широкий круговой жест над головой и бросить. Конь не спускает с меня глаз, подергивая боком и стараясь держаться на дальней дистанции.

Это не дикий конь. Кто-то обрезал ему рога – коротко; может, не настолько, как это сделал бы я, но все же. На боку виден выжженный знак: круг, прорезанный вертикальной линией, похожей на греческую фиту. У меня нет времени исследовать полянку или задумываться, откуда та взялась. Нынче важнее конь. Если уж судьба, бог или местные божки дадут мне в руки сокровище, я не намерен его упускать.

Все время я ласково приговариваю: по-хорватски, по-польски, по-фински и языком Побережья. Он прядет ушами и слабо порывкивает, но не позволяет мне подойти. Меня учил индеец. Дэнни Три Пера. Заклинатель коней из Вайоминга. Учил терпению и умению вкрасться в доверие к зверю, пониманию сложной психики стадного животного.

Животного с Земли. Кроме того, у Дэнни было время. Много времени. Океан времени. Он мог позволить себе терпение. А у меня времени нет.

Мы кружим по полянке. Я не знаю, как долго. Тут необходимо терпение.

Мне необходима помощь.

* * *

Он мог быть уверен в броске. Цифрал вырисовал в его поле зрения картинку траектории, по которой полетит петля, в зависимости от положения руки и напряжения мышц. Просвечивающая кривая плавала вверх-вниз, порой накладывалась на конскую шею, а порой уходила в сторону.

Драккайнен сконцентрировался, веревка со свистом кружила у него над головой. Конь мотнул по-собачьи головой и ощерился.

Но, похоже, решил просто сбежать из круга. Вуко двинулся боком, чтобы перекрыть ему

дорогу к реке и тракту.

– Хороший конек... Очень, очень хороший конек, – бормотал он, решительно и ласково попеременно. Решил, что больше нечего ждать, и бросил. Лассо свистнуло в воздухе, как змея. Конь прижал уши и рванул внезапной, панической рысью прямо на Странника.

Рывок едва не вырвал ему запястье. Что хуже, сотрясение отдалось еще и в щиколотке, Драккайнен упал на землю. Животное, перепуганно визжа, поволокло его по мокрой, покрытой тающим инеем траве, стараясь, похоже, добраться до дороги, а это означало бы, что Вуко придется волочиться по камням и скалам.

Он подтянулся на веревке, насколько сумел, после чего ослабил ее, стараясь выбросить ноги вперед. Рывок поставил его на ноги, но через миг он снова упал на живот.

Спасло лишь то, что придушенный скакун решил приостановиться на миг, встать дыбом, а потом встряхнуться и ослабить петлю.

– Плохой конь! Очень плохой конь, непозитивный! Нехороший конь! – крикнул Драккайнен, выплевывая траву. – То есть не конь даже, а этот... северный олень какой-то... или лань... черт тебя знает, плохой олень! Очень плохая верховая животинка не разбери какой породы! Плохой окапи! Жуткий жираф!

Обвязал веревку вокруг ствола и сел, чтобы проверить щиколотку. Первый этап был пройден.

Скакун рвал аркан, дергался, вставал на дыбы и вообще всеми доступными способами показывал, что ситуация ему не по сердцу, а поведение Драккайнена он считает отвратительным и потому крепко обижен.

Пока это не имело никакого значения.

Вуко приготовил все необходимое, неспешно и методично разложив упряжь в траве: узду, седло с уложенными кверху подпругами, короткий чепрак.

«Надо подходить медленно и спокойно, – объяснял Три Пера. – Животное не должно видеть, что ты боишься. Это самое важное».

Сначала нужно подойти. С широко раскинутыми руками, чтобы показаться как можно более крупным и занять как можно больше места. Медленно, но уверенно. И все время говорить.

Успокаивающим тоном.

Конек снова стал рваться на привязи и дергаться. Звуки, которые он при этом издавал, больше напоминали рык верблюда и визг свиньи.

Нужно говорить. Ласково и терпеливо.

Если идешь – должен подойти. Нельзя отступать. Если протянул руку – должен дотронуться. Должен показать, кто здесь главный. Именно в этот миг все решается – раз и навсегда. Животное не может получить ни мгновения преимущества. Потеряешь лицо один раз – и все. Окажешься существом подчиненным, навсегда. Но не дергай и не бей. Это плохой метод.

Он протянул ладонь к большой голове. Конь дернулся, дико завращал глазами и предостерегающе клацнул зубами, а потом попытался встать на дыбы, но натянутый аркан не позволил ему этого сделать.

Драккайнен моментально уклонился от клацающих челюстей, а потом дотронулся до шеи конька. Для животного такая ласка должна была стать успокаивающей.

Вуко погладил большую голову сбоку, прекрасно понимая, что успеет отскочить перед любой атакой.

Один из индейских секретов – ласково подуть коню в ноздри. В стаде это знак проявления симпатии. Пробуждает ощущение дружбы и доверия.

В совершенно другом мире, с совершенно другим зверем.

Он не заметил, дало ли это хоть какой-то результат. По крайней мере его не ударили.

А теперь – вкусняшка. Решил проверить, сумеет ли выступить в этой роли сухарик.

Когда подходил во второй раз, конь дергался уже меньше, поворачивался боком, ворчал и тряс головой, но бить копытом не пытался.

– Хороший конь, хорошая коняшка... Хороший, хороший зверик, – ему казалось, что еще миг-другой – и он охрипнет. Болтал безостановочно уже добрый час.

Сухарь был очень внимательно обнюхан, а потом исчез с хрупаньем в огромных челюстях, куда бóльших, чем у обычных коней, – как в мельничьих жерновах.

– Ладно, – сказал Драккайнен. – Теперь зерно. Вообще-то мне это не нравится, но так должно быть, и мы это уже прошли. Нет выхода, дорогой. Я-то, скажем прямо, мало понимаю в объездке антилоп, да и ковбой из меня почти никакой. Я прошел курс, и только, но вообще не был ни любимчиком Три Пера, ни наделенным особыми талантами.

Он открыл тайничок в кожаных закоулках переметной сумы, нашел шприц и три зерна, запаянных в металлических ампулках.

– Это не будет больно, – уверил искоса глядящего скакуна, раскрывая шприц и раскручивая ампулку. – Я сам прошел через подобное и до сих пор жив.

Зерно плавало в сосудике, как склизкий зеленоватый головастик. Драккайнен сунул туда шприц и принялся накачивать воздух мерными движениями поршня.

– Будь у нас больше времени, – объяснял, – будь я лучшим говорящим-с-лошадьми, или, по крайней мере, знай я лучше твою биологию вместо общей, небрежной и неточной ерундистики, которая у нас есть... Ну у нас-то все так, как оно есть.

Он вздохнул и подошел к жеребцу, пряча поблескивающий шприц в руке.

– Чувствую себя ужасно, – уверил животинку, левой рукой поглаживая ее башку, а потом – горбатый черный хребет носа.

Конь заурчал, и звучало это на удивление приязненно. Драккайнен вздохнул и поднял вторую руку, уверенным движением сунул животному кончик шприца в ноздрю и нажал поршень.

Конь издал ужасный визг и встал на дыбы, а потом резко дернулся, натягивая веревку. Драккайнен отскочил, избегая мощного удара в голову, а потом перекатился по траве. Лассо врезалось в шею животного, и конь, вместо того чтобы реветь, захрипел. Его глаза вылезали из орбит, на морде выступила пена. Не в силах к нему подойти, чтобы снять петлю, Вуко вынул нож и обрезал веревку у ствола дерева. Конь рванулся, словно ракета, брыкаясь попеременно то передними, то задними ногами, перескочил через низкий кустарник и погнал галопом в лес.

Драккайнен спрятал нож.

Вот же я сукин сын, подумал с удивлением. Чувствую себя так, словно зарезал дельфина.

Он повернулся и остолбенел. На его сумах хозяйничала огромная, размером с гуся, черная птаха с огромной башкой и мощным, как острие чекана, клювом.

– Да этого быть не может! – рявкнул Драккайнен, преисполненный внезапным возмущением. – Пошла прочь!

Птица склонила голову, поглядывая на Драккайнена, блеснула белым веком, после чего хамским и хриплым тоном, но совершенно отчетливо повторила:

– Пошла прочь!

Разворошила клювом рассыпанные вещи и нашла кусок сухой колбасы, который тотчас же проглотила, не обращая внимания ни на крики, ни на дикий галоп Странника. Драккайнен бежал через поляну, выкрикивая самые худшие финские ругательства, но, припадая на больную ногу, не имел шанса. Птица клюнула большую кучу его вещей, что выглядело так, как если бы по ней рубанули киркой. Когда подняла голову, в ее клюве виднелась маленькая, поблескивающая металлом трубочка.

Зерно.

– Нет! – орал Драккайнен. – Сейчас же выплюнь!

Птица ударила широкими крыльями и взлетела над поляной. Не слишком быстро.

– Да чтоб тебя разорвало! – орал разведчик. – Да чтоб ты лося в аду отсасывал, проклятуший урод!

Но ворон уже взлетел высоко над деревьями.

– Да каркни ты триумфально, сукин сын! – кричал ему вслед Драккайнен. – Каркни и вырони это! Чтоб ты им подавился, урод.

Осмотрел оставшиеся вещи. Котелок был продырявлен и, что еще хуже, вместилище последнего зерна было помято. Ругаясь, он отложил шприц и собирал остальные вещи, а потом принялся монтировать лук.

– Никогда больше, никогда! – процедил, стыкуя обе дуги и насаживая систему блоков.

Если птица проглотит сосуд целиком, то не должно бы ничего произойти. Из-за глупой птахи человеку теперь придется убивать воронов десятками, а потом их потрошить. Занятие на годы. Разве что тварь украсит зерном свое гнездо, как это делают сороки. Безнадежно.

– И почему ты не сожрал что-нибудь другое? – крикнул он, запрокинув голову к небу. – Тебе моей охотничьей не хватило?! Не мог нажраться золота, если потянуло на блестяшки?

Была у него пара стрел, которые следовало соединить. Но все равно придется ждать. Ничего больше не сделать.

Он снова натянул доспех, разобрал свой скарб и вернулся к затоке, где все еще высился его шалаш. Казалось, что он начинает здесь вращаться.

Он снова разжег костер, окончательно соединил все элементы лука, специальным ключом сократил и натянул тетиву длиной в несколько метров, пропущенную через систему блоков. Хороших стрел с выточенными древками было всего пять, но у него оставался изрядный запас наконечников в специальном мешочке.

Он подхватил мачете и отправился искать материал для стрел.

Заняло это немало времени: найти в природе достаточно ровные ветки – не самое простое занятие. Ведь, по уму, изготовление простых стрел должно длиться целую зиму: отобранные ветки, утяжеленные гирями, вешают где-то в сухом месте и ждут, пока они просохнут и сделаются идеально ровными, – и только потом прилаживают к ним оперение и наконечники.

* * *

Я сижу и делаю стрелы. Это успокаивающее занятие. Люди из примитивных культур проводят таким образом большую часть времени. Делают стрелы, чинят упряжь и доспехи, шьют одежду. Это нужно делать непрерывно, и мне необходимо к этому привыкать. Пояс,

полный золота, ничего здесь не изменит. Я не могу вызвать такси, поехать в супермаркет и купить там себе вязанку стрел или пачку ризотто с дарами моря. Наверняка где-то есть базар, но в целом мало кто продает сапоги, стрелы, лук, булки или масло. Всякий делает такие вещи сам. Каждый сам кормит курей, печет хлеб, ткёт одеяла и варит пиво. Ты можешь где-то купить гвозди или крючки, но здесь нет магазинов промтоваров. Это земледельческая культура.

Благодаря прогулке среди кустов я нахожу четыре пера разной величины, которые пригодятся для оперения. Разделяю их напополам, надрезаю кончики, смачиваю перья живицей, работаю нитью – и через два часа у меня есть еще шесть стрел.

Некоторое время я стреляю в кучу песка между высокими валунами на берегу. Возвращаю свои навыки. Стрелы летят по-разному, поэтому стараюсь просчитать поправку, пока – после долгого времени – не начинаю попадать всякий раз в мясистый лист, положенный на откосе в качестве цели. Мой лук с блочным натяжением лупит с силой в семьдесят фунтов, но благодаря продуманной системе воротов натягивается как тридцатифунтовый – стрелы втыкаются в песок по самое оперение. И все же, несмотря на это, после часа упражнений у меня болят мышцы правой руки и плеча. Перед глазами встают изуродованные скелеты средневековых лучников, с кривыми хребтами и следами от надорванных мышц. Я натягиваю по-английски от ноги, по-спортивно прямо и по-японски из-за головы. Чтобы наверняка – стреляю еще из подмышки и от бедра, держа лук горизонтально. С двадцати метров я сажаю стрелы почти туда, куда захочу, за исключением одной, которую явственно относит в сторону.

Втыкаю в землю у шатра стрелы, готовые к использованию. Оружие улучшает мое самочувствие. Я родом из мира, где охотнее всего убивают на расстоянии.

Перерыв в путешествии, предназначенный для ожидания.

Потому я жду.

Через какое-то время забираю меч, нож, колчан и иду на охоту.

Это не так просто. Одну стрелу я трачу совершенно по-идиотски, выстрелив в летящую птицу, которая мне показалась соблазнительно похожей на гуся. Слишком полагаюсь на помощь цифрала – и мажу на волос, но стрела лупит метров на двести вверх, а потом падает в чашу и исчезает из глаз.

Через несколько часов я теряю надежду. Окрестности словно вымерли. Нет даже чего-то вроде кроликов. Большие травоядные редки на рассвете, это для них нелучшее время. Но речь не об этом. Я не встречаю ни жаб, ни мышей, не слышно птиц, не видно даже насекомых.

В конце концов я заканчиваю тем, что брожу по мелководью с луком в руке, высматривая рыб среди камней и скал. Несколько раз стреляю безрезультатно, пока извивающееся серебристо-крапчатое тело, подобное мурене, означенное торчащей из воды стрелой – как гигантским поплавком, – завершает дело. Я несую рыбину в лагерь, меня переполняет гордость, какую и представить себе непросто. Я одновременно ощущаю себя непобедимым и смешным. Вся жизнь, когда хотелось мне рыбы, я ее покупал. Шел в «Теско» в Гваре или на набережную над портом, где стояли рыбацкие лодки на воздушной подушке, или в *рибарциу* и там выбирал между камбалами, сардинами и тунцами, что красиво лежали на льду, прямо с ночного улова. А теперь меня распирает гордость от одной-единственной рыбины. И только потому, что я лично добыл еду в богом забытом уголке Побережья, вооруженный луком и предоставленный природе.

После двух лет обучения, модифицированный бионически, обученный в школе

коммандос, я обрел умения, которыми здесь обладает любой ребенок.

Когда наступают сумерки, я пеку над углями рыбину, нарезанную на куски.

И впервые здесь ужин приходится мне по вкусу.

Ароматные кусочки белого мяса, раздираемые пальцами на листе, кружка слабого грога.

Начинаю ощущать себя частью природы. Например, я всегда был равнодушен к погоде.

Всю мою жизнь это могло быть тем, что, самое большее, заставит меня побыстрее вернуться домой. Дождь, жара или снег – просто явление-за-окном. Нужно добавить обогрев или включить кондиционер, прибрать забытую мебель с террасы.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Цитаты из песен «Старшей Эдды» даны в переводе А. И. Корсуна.

Приставку Лондон- к ирландскому городу Дерри своим указом добавил Яков I в XVII веке. Ирландские националисты поныне настаивают на названии Дерри – в отличие от юнионистов, сторонников политического союза с Великобританией, использующих название Лондондерри